

С. А. Козлов

ИСТОРИЯ

Хрестоматия

Выпуск IV

Санкт-Петербург
2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»
Высшая школа технологии и энергетики**

С. А. Козлов

ИСТОРИЯ

Хрестоматия

Выпуск IV

Утверждено Редакционно-издательским советом ВШТЭ СПбГУПТД

Санкт-Петербург
2024

УДК 93
ББК 63.3
К 592

Рецензент:

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии
Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного
университета промышленных технологий и дизайна
И. К. Павлова

Козлов, С. А.

К 592 История: Хрестоматия. Выпуск IV / С. А. Козлов. — СПб.: ВШТЭ
СПбГУПТД, 2024. — 82 с.
ISBN 978-5-91646-385-9

Хрестоматия соответствует программам и учебным планам дисциплины «История России» для студентов, обучающихся по всем направлениям подготовки. Хрестоматия содержит документы и комментарии к ним, раскрывающие основные направления внутренней и внешней политики Российской империи 1825–1855 гг., а также характерные особенности общественно-политического движения в России в первой половине XIX в. К темам прилагаются вопросы для самостоятельной работы и списки рекомендуемой литературы.

Материалы хрестоматии предназначены для проведения обсуждений и дискуссий на семинарских занятиях по истории у бакалавров всех форм обучения.

УДК 93
ББК 63.3

ISBN 978-5-91646-385-9

© ВШТЭ СПбГУПТД, 2024
© Козлов С. А., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Тема I. Консервативная модернизация Николая I.....	6
1. Из именного указа от 3 июля 1826 г. «О присоединении особенной канцелярии министерства внутренних дел к собственной его величества канцелярии»	17
2. Из доклада министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I от 19 ноября 1833 г. «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения»	17
3. «Предварительные соображения о преобразовании управления государственных имуществ», изложенные П. Д. Киселевым в докладе императору Николаю I 17 мая 1837 г. (извлечение).....	20
4. Из речи императора Николая I на заседании Государственного совета 30 марта 1842 г.	21
5. Из указа от 2 апреля 1842 г. о предоставлении помещикам права заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян.....	24
6. Указ от 3 марта 1848 г. о предоставлении помещичьим крестьянам и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимое имущество.....	25
7. Из «Трактата о вечном мире» между Россией и Персией (Ираном), заключенного в Туркманчае 10 (22) февраля 1828 г.	26
8. Из трактата, заключенного в Адрианополе 2 (14) сентября 1829 г. между Российской империей и Оттоманской Портой, «о прекращении войны и вечном мире...»	27
9. Из договора, заключенного между Российской империей и Оттоманской Портой в Ункяр-Искелесси 26 июня (8 июля) 1833 г.....	29
10. Из конвенции о проливах, заключенной в Лондоне 1 (13) июля 1841 г.	30
11. Из меморандума, приложенного к всеподданейшему донесению министра иностранных дел К. В. Нессельроде из Лондона 19 сентября 1844 г.	31
12. Манифест 14 июня 1853 г. «О движении российских войск в Придунайские княжества.....	32
13. Из манифеста 20 октября 1853 г. «О войне с Оттоманскою Портою» ...	32
14. Манифест 9 февраля 1854 г. «О прекращении политических сношений с Англиею и Франциею».....	33
15. Толстой Л. Н. Дневники 1854 и 1855 гг. (извлечения).....	34
16. Из конвенции между Россией и Турцией относительно содержимых в Черном море военных судов. Париж, 18 (30) марта 1856 г.	36
17. Из конвенции относительно проливов Дарданельского и Босфорского. Париж, 18 (30) марта 1856 г.	37
18. Парижский мирный договор 18 (30) марта 1856 г. (извлечение).....	37

<i>Вопросы для самостоятельной работы</i>	40
<i>Библиографический список</i>	41
Тема II. Общественно-политическое движение в России в первой половине XIX в.	42
19. Из проекта Конституции Н. М. Муравьева (Текст, найденный в бумагах С. П. Трубецкого)	52
20. Пестель П. И. «Русская правда или заповедная государственная грамота великаго народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховнаго правления» (извлечения)	55
21. Из манифеста «К русскому народу» С. П. Трубецкого 14 декабря 1825 г.	58
22. Из «Философических писем» П. Я. Чаадаева (1829–1830)	59
23. Из статьи А. С. Хомякова «О старом и новом» (1839)	62
24. И. В. Киреевский. В ответ А. С. Хомякову (1839) (извлечение)	65
25. Выдержки из статьи К. С. Аксакова «Об основных началах русской истории» (1849–1850)	67
26. Из письма В. Г. Белинского к В. П. Боткину 10–11 декабря 1840 г.	68
27. Из письма В. П. Боткина П. В. Анненкову о славянофилах. 15 мая 1847 г.	69
28. Из письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю 15 июля н. с. 1847 г. Зальцбрунн	70
29. М. В. Буташевич-Петрашевский. Проект освобождения крестьян [1848 г.] (извлечение)	71
30. Из всеподданнейшего доклада секретной следственной комиссии по делу петрашевцев 19 декабря 1849 г.	72
31. Из автобиографического романа А. И. Герцена «Былое и думы» (Часть четвертая (1840–1847), глава XXV)	74
32. А. И. Герцен о В. Г. Белинском	76
33. Из прокламации А. И. Герцена «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» (1853)	76
<i>Вопросы для самостоятельной работы</i>	79
<i>Библиографический список</i>	80
<i>Список сокращений</i>	82

ВВЕДЕНИЕ

Четвертый выпуск хрестоматии включает две темы, которые раскрывают основные направления внутренней и внешней политики Николая I, а также характерные особенности общественно-политического движения в России в первой половине XIX в. Документальные материалы в хрестоматии соответствуют тематике семинарских занятий. Каждый раздел начинается с методических указаний, в которых анализируются особенности текстов исторических источников и их важность для раскрытия темы. С целью закрепления пройденного материала студентам предложены вопросы для самостоятельной работы.

Включенные в хрестоматию документы должны способствовать формированию у студентов навыков работы с текстами, что предполагает необходимость учитывать исторические условия возникновения документа и обстоятельства его создания, политические взгляды автора, а также историю написания текста и его публикацию. В хрестоматии текст (или извлечение из текста) документа сопровождается библиографическим описанием издания, из которого он взят, заголовки к документам выделены полужирным шрифтом, а подзаголовки – курсивом.

Составители хрестоматии стремились познакомить студентов с богатым документальным наследием России: законодательными актами, межгосударственными договорами, инструкциями, частными письмами, записками, мемуарами и другими документами. Привлечение их позволит студентам глубже осмыслить наше историческое прошлое и приблизиться к объективному анализу проблем российской истории первой половины XIX в.

ТЕМА I. КОНСЕРВАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НИКОЛАЯ I

Тридцатилетнее царствование Николая I (1825–1855) рассматривается большинством историков как апогей самодержавия, время предельной централизации управления Российской империей и усиления личного контроля монарха за деятельностью государственного аппарата. Важнейшей составляющей внутривластного курса было укрепление и охранение самодержавного строя, борьба с революционным движением в стране и Европе. Николай I так определял свою позицию: «Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божиею милостью, я буду императором»¹.

6 (18) декабря 1826 г. рескриптом Николая I был образован особый Секретный комитет во главе с председателем Государственного совета графом В. П. Кочубеем для подготовки реформ государственного управления и «Закона о состояниях», т. е. о правах сословий. Комитет просуществовал до марта 1832 г., руководствуясь в своей деятельности принципом «не изменять существующий порядок вещей, а вносить частные перемены и дополнения».

Одной из первоочередных задач стало укрепление режима личной власти монарха и, как следствие, разрастание собственной его императорской канцелярии. Из учрежденных пяти отделений канцелярии наибольшее значение имели образованное 4 апреля 1826 г. II отделение, занимавшееся кодификацией законов, и созданное 3 июля 1826 г. III отделение – тайная полиция.

Возглавить кодификацию законодательства империи Николай I поручил М. М. Сперанскому, которого назначили на должность главноуправляющего II канцелярией. Результатом его неутомимой деятельности стало издание Полного собрания законов Российской империи (1828–1830 гг., в 45-ти томах), в которое вошли многочисленные законодательные акты с 1649 по 1825 г., и Свода законов Российской империи (1832 г., действующее законодательство в 15-ти томах), что позволило создать твердую правовую основу российского абсолютизма. Первая статья «Свода законов» гласила: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»².

Главным начальником III отделения и шефом жандармов был назначен ближайший сподвижник императора генерал-лейтенант А. Х. Бенкендорф (с 1826 по 1844), которому поручались «все распоряжения и известия по делам высшей полиции». III отделение было обязано обеспечивать «безопасность престола и спокойствие в государстве», а именно преследовать «государственных преступников», осуществлять тайный надзор за «неблагонадежными лицами» и иностранцами, высылавать «подозрительных и вредных», заниматься перлюстрацией частных писем, выявлять фальшивомонетчиков, собирать информацию о настроениях в обществе

¹ Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 315.

² Свод законов Российской империи. СПб. 1832. Т. 1. Ч. 1. С. 1.

и «о всех без исключения происшествиях» в стране (док. № 1). Исполнительным органом III отделения стал Корпус жандармов, учрежденный 28 апреля (10 мая) 1827 г. Вся территория страны делилась на пять жандармских округов, по 8–11 губерний в каждом. Охраной государственной безопасности в губернии ведал штаб-офицер жандармерии. «Положение о корпусе жандармов» от 1 июля 1836 г. определяло следующие prerogatives деятельности жандармских команд: «1) приведение в исполнение законов и приговоров судов; 2) поимка воров, корчемников, преследование разбойников и рассеяние законом запрещенных скопищ; 3) усмирение буйств и восстановление нарушенного повиновения; 4) преследование и поимка людей с запрещенными и тайно провозимыми товарами; 5) сопровождение опасных преступников и арестантов; 6) охрана порядка на ярмарках и торжищах»³.

Правительство предприняло ряд мер по ужесточению цензуры и контролю над учебными заведениями. 10 (22) июня 1826 г. был утверждён Устав о цензуре (составленный министром просвещения, адмиралом А. С. Шишковым), который получил у современников название «чугунного устава». В обязанность цензоров входило не пропускать в печать сочинения, в которых «колебалась христианская вера» и порицалась монархическая форма правления (Устав, п. № 168). Под запретом оказались исторические труды, если в них обнаруживались любые сопоставления форм правления и вообще рассуждения об историческом процессе. Из философских книг разрешались только учебники. Параграф № 186 Устава о цензуре гласил: «прочие сочинения сего рода, наполненные бесплодными и пагубными мудрствованиями новейших времен, вовсе печатаемы быть не должны». В п. № 151 Устава отмечалось, что «не позволяется пропускать к напечатанию места в сочинениях и переводах, имеющих двоякий смысл, если один из них противен цензурным правилам». Цензоры были обязаны также следить за литературными вкусами общества, «ибо разврат нравов приуготовляется развратом вкусов»⁴. Однако «чугунный устав» оказался недолговечным и 22 апреля (4 мая) 1828 г. был заменен новым Уставом о цензуре, который был направлен прежде всего на запрет продажи и распространения книг «вредящих вере, престолу, добрым нравам, личной чести граждан». Особое внимание уделялось цензуре иностранных книг и периодических изданий (пп. 75–114). При этом Устав 1828 г. предписывал цензорам не обращать внимания на слог автора и на ошибки «в литературном отношении»⁵.

8 декабря 1828 г. Николай I утвердил Устав гимназий, уездных и приходских училищ, который уничтожил преемственность между средней (семиклассной гимназией) и начальной школой (одноклассным приходским училищем, трехклассным уездным училищем), утверждал принцип строгой сословности в школьном образовании и допускал преподавание в православно-монархическом духе. Для крестьянских детей предназначались одноклассные

³ Цит. по: Колонтаев К. В. Истории русской полиции. В 2-х кн. Севастополь, 2009. С. 53.

⁴ Устав о цензуре 1826 года // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб, 1862. С. 166, 170, 175.

⁵ ПСЗ – 2. Т. 3. № 1979. С. 468–473.

приходские училища, в которых обучали «закону Божию...; чтению по книгам церковной и гражданской печати и чтению рукописей; чистописанию; четырем первым действиям арифметики». Дети купцов, ремесленников, мещан обучались в трехклассном уездном училище с расширенной программой начального обучения (преподавалась геометрия, география, сокращенный курс отечественной и всеобщей истории, черчение и рисование). Для детей дворян и чиновников учреждались семиклассные гимназии, подготавливавшие учащихся к поступлению в университет и «снабжая необходимыми для сего предварительными знаниями». В гимназиях преподавали древние (латинский и греческий) и новые (французский и немецкий) языки, словесность, логику, статистику, физику, а также для всех желающих – музыку, фехтование, танцы. Таким образом уровень образования соответствовал социальному статусу учащегося, и никто не мог «возвыситься над тем состоянием, в коем ему суждено оставаться»⁶.

25 июля 1835 г. был «высочайше утвержден» Общий устав российских университетов, который значительно ограничивал автономию высших учебных заведений: уничтожался университетский суд, ограничивались выборные начала. Во главе университета стоял ректор, избиравшийся на Совете голосами ординарных и экстраординарных профессоров сроком на четыре года. Кандидатура ректора подлежала утверждению «высочайшей властью» (п. 61). Профессора и прочие преподаватели избирались тайным голосованием на Совете университета (п. 27; 81), однако право утверждения в звании профессора предоставлялось министру народного просвещения (п. 80)⁷. Университет переставал быть научным учреждением и выполнял лишь функцию образовательную, будучи разделен на три факультета: юридический, философский и медицинский. В практику управления университетами внедрялись принципы исполнительности и беспрекословного подчинения. За студентами был введен строгий контроль в лице инспекторов и их помощников. Университеты должны были готовить преданных престолу чиновников, и после его окончания студент получал при поступлении на гражданскую службу чин XII класса.

В качестве основы образования и воспитания утверждалась теория официальной народности, разработанная министром народного просвещения (с 1833 по 1849 гг.) графом С. С. Уваровым. Ее положения были четко сформулированы 19 ноября 1833 г. в докладе С. С. Уварова «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», представленном императору Николаю I (док. № 2). Сущность теории сводилась к формуле: православие, самодержавие, народность. С. С. Уваров отмечал: «Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру – то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. <...> Самодержавие

⁶ Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. СПб, 1834. С. 9, 26, 53, 56.

⁷ ПСЗ - 2. Т. 10. Отд. 1. № 8337. С. 844, 847, 848.

представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. <...> Не менее важное, не менее сильное – народность. Дабы трон и церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство народности, их связующее»⁸. При этом «спокойной» и «устойчивой» России противопоставлялась «мятущаяся» и «разлагающаяся» Европа. Теория официальной народности на многие десятилетия стала основой идеологии самодержавия.

Социальная политика Николая I была направлена на укрепление позиций дворянства, как опоры трона. Дело в том, что в 1825 г. 54 % российского дворянства составляли выходцы из других сословий, получившие патенты на личное и потомственное дворянство посредством выслуги по Табели о рангах⁹. Стремясь оградить дворянское сословие от проникновения в его среду лиц «неблагородного происхождения», манифестом «О порядке приобретения дворянства службою» 11 (23) июня 1845 г. устанавливался порядок получения потомственного дворянства: на военной службе по достижении штаб-офицерского чина (8 класс), на гражданской – 5-го класса (а не 8-го, как это было ранее) при условии, что эти чины присвоены не при выходе в отставку¹⁰. Для предотвращения дробления дворянских имений 16 июля 1845 г. был издан указ о заповедных наследственных имениях – «о майоратах». Согласно ему, помещики могли учреждать «майораты» (в имениях, насчитывавших свыше 1000 крепостных крестьян) – владения, которые целиком передавались по наследству «старшему законнорожденному сыну»¹¹. Однако указ не получил широкого практического применения.

Для обсуждения крестьянского вопроса было учреждено 9 секретных комитетов. 30 марта 1842 г., обращаясь к членам Государственного совета, Николай I так сформулировал свою позицию: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным» (**док № 4**). В итоге для смягчения социального напряжения в деревне власти ограничились паллиативными мерами. Так, с 1827 г. запрещалась продажа крестьян без земли или одной земли без крестьян. Согласно указу от 2 мая 1833 г. отменялись продажа крепостных с публичного торга «с раздроблением семейств», а также перевод крестьян в дворовые с отбиранием у них наделов. В свою очередь указом от 12 июня 1844 г. помещикам давалось право отпускать дворовых на волю по обоюдному с ними договору. Наконец, указом от 3 марта 1848 г. помещичьим крестьянам предоставлялось право покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимое имущество (**док. № 6**).

⁸ Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 104, 105.

⁹ Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С. 497.

¹⁰ ПСЗ - 2. Т. 20. Отд. 1. №19086. С. 450, 451.

¹¹ Там же. № 19202. С. 533.

Николай I исходил из незыблемости помещичьего землевладения и указом от 2 апреля 1842 г. (док № 5) «исправил вредное начало» указа «о свободных хлебопашцах» 20 февраля 1803 г., которым предусматривалось отчуждение части земельной собственности в пользу крестьян. Отныне помещики могли заключать со своими крестьянами договоры «по взаимному соглашению», однако, при этом они «сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю, со всеми ее угодьями и богатствами, как на поверхности, так и в недрах ее». Крестьянин по воле помещика получал личную свободу и «участки земли в пользование», но был обязан (отсюда название «обязанный крестьянин») выполнять «условленные повинности», размеры которых стали фиксированными. За помещиком сохранялось право вотчинной полиции и суда.

В 1837–1841 гг. была проведена реформа с целью облегчения положения государственных крестьян и «благоустройства» казенной деревни хозяйственно и административно. 27 декабря 1837 г. для управления землями, населенными казенными крестьянами, было учреждено Министерство государственных имуществ, которое возглавил генерал и деятельный администратор П. Д. Киселев (док. № 3). Для реализации программы «попечительства» над государственными крестьянами создавались губернские казенные палаты и уездные казенные округа, которым подчинялось крестьянское волостное и сельское самоуправление. В государственной деревне открывались школы, больницы, ветеринарные пункты, организовывалась агротехническая помощь. Проводилось планомерное переселение малоземельных крестьян на новые земли, осуществлялась замена подушной подати поземельным налогом, который рассчитывался исходя из размеров надела. Часть земель отдавалась под «общественную запашку» с обязательством выращивать определенные властями культуры и прежде всего картофель, что вызвало недовольство и привело к массовым выступлениям государственных крестьян («картофельные бунты» 1840–1844). В итоге реформа управления государственными крестьянами П. Д. Киселева обернулась усилением бюрократического давления на казенную деревню и зависимостью крестьянских органов самоуправления от местной администрации. Несмотря на принимаемые меры, земельные наделы государственных крестьян оставались недостаточными.

Экономическая политика Николая I была направлена на поддержку промышленности и торговли, что служило важным источником для пополнения казны и способствовало укреплению армии и флота. Принимались поощрительные меры для промышленников и фабрикантов, вводились покровительственные таможенные тарифы, началось железнодорожное строительство, открывались технические учебные заведения, организовывались промышленные выставки. В 1839–1843 гг. под руководством министра финансов Е. Ф. Канкрин была проведена денежная реформа, направленная на изъятие бумажных ассигнаций, которые наводнили страну, и их стоимость неуклонно падала. Был введен твердый кредитный рубль, приравненный к одному рублю серебром, главной платежной единицы страны. Обмен

ассигнаций на государственные кредитные билеты был произведен из расчета 1 кредитный рубль за 3 руб. 50 коп. ассигнациями. Все эти меры позволили стабилизировать финансовую систему страны.

В целом, внутренняя политика Николая I отличалась «резкими противоречиями в русской жизни». Историк А. Е. Пресняков так характеризовал их: «Это время – золотой век великой русской литературы, эпоха первого расцвета русской общественной мысли и молодой самостоятельной русской науки, русского театра и русского искусства – при крайней подавленности русской общественности и народной жизни в условиях крепостного быта и сурового правительственного режима. В народном хозяйстве – решительный подъем торгового и промышленного предпринимательства, при господстве в корень устарелых и разлагающихся форм крепостного хозяйства. В международных отношениях – значительный рост участия России в мировом торговом обороте и ее влияния на общеевропейские политические дела, при резком отчуждении ее от западноевропейского мира, как ей чуждого, опасного и враждебного»¹².

Во внешней политике России второй четверти XIX в. особую остроту приобрел «восточный вопрос» и прежде всего кавказское направление. Кавказ играл важную роль в обороне южных рубежей империи и являлся опорным пунктом в экономическом и военном проникновении на Ближний и Средний Восток, что вызвало противодействие у геополитических соперников России в регионе – Ирана, Турции и Великобритании. Иранское правительство считало Гюлистанский мирный договор 1813 г. лишь временной уступкой и выжидало благоприятного момента для реваншистских захватов в Закавказье. Получив в начале 1826 г. известия о «междоусобице» в России и восстании декабристов, иранский шах Фетх-Али решил воспользоваться ситуацией и 16(28) июля двинул войска к российской границе. Иранская армия перешла Аракс и осадила крепость Шушу. Вскоре шахские войска были разбиты и военные действия перенесены на территорию Ирана. В апреле 1827 г. русские войска начали наступление на Эриванское и Нахичеванское ханства, населенные армянами. В июле пала Нахичевань, в октябре, после шестидневной осады, сдалась крепость Эривань. Вскоре был взят Тавриз и началось стремительное продвижение русских войск под командованием генерала И. Ф. Паскевича к Тегерану. Иранское правительство запросило мира. Российскую сторону на переговорах представлял А. С. Грибоедов. По условиям Туркманчайского договора, заключенного 10 (22) февраля 1828 г. (**док. 10**), к России присоединялась вся иранская часть Армении, и армянское население получило беспрепятственную возможность для массового переселения во внутренние российские губернии. Иран уплачивал 20 млн рублей (серебром) контрибуции и предоставлял для русских купцов режим наилучшего благоприятствования в торговле. Договор предусматривал исключительное право России держать на Каспийском море военный флот. Шахским

¹² Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 27, 28.

притязаниям на Кавказ был положен конец, и этот регион перестал быть местом российско-иранского противостояния.

Черноморское побережье Кавказа стало ареной борьбы между Россией и Османской Портой в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Поводом к войне явилась задержка турецкими властями российских торговых судов, захват грузов и высылка русских купцов из османских владений. 14 (28) апреля 1828 г. Николай I манифестом объявил о начале войны с Турцией. Военные действия велись одновременно на Дунае и Кавказе. Русским войскам удалось занять Валахию и Молдавию, перейти Дунай и взять крепость Варну. В Закавказье были заняты турецкие крепости Карс и Ахалцих, укрепления Ацхур, Ардаган, а также Поти, Батуми и Баязид. В июне 1829 г. российские войска взяли Силистрию, перешли через Балканы и в августе вступили в Адрианополь. Русские авангарды появились в 60 км от Стамбула. Турецкий султан вступил в переговоры о мире. 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор «О прекращении войны и вечном мире...» (док. № 8), согласно которому Россия получила устье Дуная с островами и стратегически важный район Черноморского побережья от Анапы до Батуми. Был положен предел турецкой экспансии на Кавказе и завершено присоединение к России основных территорий Закавказья. Проливы Босфор и Дарданеллы объявлялись открытыми для прохода торговых судов, и подтверждалось право свободной торговли российских подданных в Османской империи. Турция обязалась в течение 18 месяцев выплатить контрибуцию в размере 1,5 млн голландских червонцев.

Стремление российских властей форсировать процесс включения в состав империи горные районы Чечни, Дагестана, Адыгеи вылилось в Кавказскую войну, активная фаза которой началась в 20-е гг. XIX в. и продолжалась почти полвека, стоив обеим сторонам конфликта многих сил и жертв. Самым ярким лидером движения горцев стал имам Шамиль (1797–1871 гг.) Он стал создателем теократического государства (имамата), которое разделил на округа во главе с наибам и взамен адата, обычного права горцев, ввел шариат – свод мусульманских законов, основанных на Коране.

По мнению К. С. Гаджиева, в период правления Шамиля на Северном Кавказе о государстве в современном смысле можно говорить лишь условно. Масштабы и контуры его территории постоянно менялись в зависимости от военных успехов и поражений, в результате чего границы были весьма подвижными, структуры власти весьма эфемерными, поскольку степень их устойчивости во многом зависела от способности самого Шамиля и его набов силой оружия подчинять своей воле разные этно-национальные группы¹³.

В исторической литературе также высказывалось мнение, что в основе движения горцев под руководством Шамиля были во многом внутренние социально-экономические процессы, и политика Российской империи лишь ускорила эти объективные тенденции. М. М. Блиев убежден: «гунибская катастрофа (август 1859 г.) явилась скорее результатом внутреннего развития

¹³ Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., 2001. С. 32.

созданного Шамилем государства, чем следствием военного таланта князя Барятинского, пленившего имама»¹⁴.

После пленения Шамиля 26 августа 1859 г. в ауле Гуниб и отправки его вместе с семьей на поселение в Калугу военные действия русской армии продолжались до 1864 г. Территория Северного Кавказа была поделена на Терскую и Кубанскую области, а большая часть Дагестана образовала отдельную область.

Возвращаясь к восточной политике Николая I в 30-е гг. XIX в., следует отметить, что упадок некогда могущественной Османской империи обострил противоречия среди европейских стран на Ближнем Востоке и привел к борьбе за важнейшие экономические и стратегические районы: черноморские проливы, Суэцкий перешеек, Балканский полуостров. 1833 г. стал вершиной успехов русской дипломатии. Российские власти оказали военную помощь турецкому султану Махмуду II, которому угрожал его вассал, египетский паша Мухаммед-Али, чья армия 21 декабря 1832 г в битве при Конье разгромила османскую армию и создала непосредственную угрозу турецкой столице. Николай I считал египетский мятеж «последствием возмутительного духа, овладевшего ныне Европой...». 8 (20) февраля 1833 г. эскадра Черноморского флота под командованием адмирала М. П. Лазарева вошла в Босфор и бросила якорь перед европейскими миссиями в Стамбуле. Вскоре прибыл 30-тысячный сухопутный корпус под командованием генерал-адъютанта и полномочного посла А. Ф. Орлова. Появление русских войск привело к быстрому примирению противников, египетский паша Мухаммед-Али признал свою зависимость от султана. 26 июня (8 июля) 1833 г. в летней резиденции султана Ункяр-Искелеси был подписан русско-турецкий союзный договор сроком на 8 лет (**док. 9**). Российская сторона гарантировала Турции предоставление «своих морских и сухопутных сил, если этого потребуют обстоятельства». Отдельная секретная статья договора предусматривала в случае войны закрытие по требованию России пролива Дарданеллы для всех иностранных военных кораблей.

Правительства европейских держав (Великобритании, Франции, Австрии) с тревогой смотрели на укрепление позиций России на Ближнем Востоке, будучи убеждены, что следствием этого станет полное подчинение Османской империи русскому влиянию. Глава британского внешнеполитического ведомства лорд Г. Д. Пальмерстон считал, что «отделаться» от Ункяр-Искелесийского договора можно единственным средством – «потоплением его в каком-либо общем договоре такого же рода». В 1841 г. создалась международная обстановка, позволившая лорду Г. Д. Пальмерстону инициировать подписание 1 (13) июля 1841 г. конвенции между Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией, в соответствии с которой признавался суверенитет Турции над Босфором и Дарданеллами, а сами проливы закрывались для прохода иностранных военных кораблей в мирное время

¹⁴ Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 73.

(док. № 10). Это было дипломатическое поражение России. Стремясь вернуть утраченные позиции, Николай I в июне 1844 г. прибыл с государственным визитом в Лондон для переговоров с королевой Викторией (док. № 11). Попытки российского монарха убедить правящие круги Великобритании в том, что Турция – «умирающий человек» и наступило благоприятное время для раздела «османского наследства», не увенчались успехом. Британское правительство отказалось от заключения с Россией какого-либо договора по этому вопросу. Не оправдались надежды Николая I сыграть на англо-французских противоречиях, наоборот, стала реальной перспектива со стороны этих держав совместно выступить против России, в действиях которой они усматривали угрозу собственной экспансионистской политике на Ближнем Востоке. Однако российские власти недооценивали возможность создания антироссийской коалиции в Европе и переоценивали собственные силы.

Поводом для конфликта послужил вопрос о «палестинских святынях», находившихся на территории Османской империи. В начале 50-х гг. XIX в. обострился спор между католическим и православным духовенством о том, кому принадлежит право иметь ключи Вифлеемского храма и ремонтировать купол над гробом Господним в Иерусалиме. Николай I выступил с ультимативным требованием к турецкому султану Абдул-Меджиду I заключить конвенцию о покровительстве русского монарха всем православным христианам в Турции, будучи уверенным в поддержке Австрии и Пруссии и дружественном нейтралитете Великобритании. Однако этот расчет оказался ошибочным. Великобритания заключила в 1853 г. секретный договор с Францией, направленный против России. Австрия также была готова присоединиться к антироссийским акциям. Турецкий султан Абдул-Меджид I отклонил ультиматум России. В ответ чрезвычайный и полномочный посол А. С. Меншиков объявил о разрыве дипломатических отношений и покинул турецкую столицу. В то же время британская и французская морские эскадры подошли к Дарданелльскому проливу и бросили якорь у Безикской бухты. В манифесте Николая I от 14 июня 1853 г. сообщалось «о движении российских войск в Придунайские княжества в залог «удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного» (док. № 12). 21 июня (3 июля) 1853 г. 80-ти тысячная русская армия под командованием генерала М. Д. Горчакова перешла Прут и в течение месяца заняла Молдавию и Валахию. После продолжительной дипломатической борьбы 4 (16) октября 1853 г. Турция объявила России войну, начав военные действия на Дунае и в Закавказье. В обнародованном 20 октября 1853 г. манифесте отмечалось: «Россия вызвана на брань: ей остается, – возложив упование на Бога, – прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским» (док. № 13).

18 (30) ноября 1853 г. русская эскадра в составе 6 линейных кораблей и 2 фрегатов, возглавляемая вице-адмиралом П. С. Нахимовым в ходе четырехчасового сражения в Синопской бухте уничтожила 14 турецких

кораблей и разрушила береговые укрепления; в плен был взят командующий турецким флотом Осман-паша. Победу русского флота при Синопе Англия и Франция использовали как удобный предлог для открытого выступления против России «для защиты Турции». В январе 1854 г. англо-французская эскадра вступила в Черное море, что сделало невозможным свободное плавание по морю российских военных кораблей. 9 февраля 1854 г. Николай I заявил «о прекращении политических сношений с Англиею и Франциею» (док. № 14). В ответ российской стороне был предъявлен ультиматум «об очищении» дунайских княжеств, который был отвергнут. 15 (27) марта 1854 г. британская королева Виктория официально объявила России войну, к ней присоединился французский император Наполеон III. Враждебную позицию по отношению к России заняли Австрия и Пруссия. В сложившейся ситуации Николай I был вынужден начать вывод российских войск из Дунайских княжеств, которые вскоре были оккупированы австрийскими войсками.

Англо-французские (союзнические) силы предприняли масштабную военную демонстрацию у российских берегов. Были блокированы Кронштадт и Свеаборг, высажен десант на Аландские острова, расположенные у входа в Ботнический залив; бомбардировке подверглись Кола и Соловецкий монастырь на Белом море, а также Петропавловск-на-Камчатке. Все нападения были отбиты русскими пограничными гарнизонами.

2 (14) сентября 1854 г. англо-французская армия начала высадку на Крымском побережье вблизи Евпатории и 7 (19) сентября предприняла наступление на Севастополь. Попытка русской армии под командованием А. С. Меншикова остановить неприятеля в сражении на реке Альме (8 (20) сентября) закончилась неудачей, после чего она отступила к Бахчисараю. Путь на Севастополь был открыт. Взявшие на себя командование обороной города адмиралы В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин в кратчайшие сроки организовали возведение укреплений (земляных валов, траншей, батарей), план которых разработали военные инженеры под руководством Э. И. Тотлебена. В Севастопольской бухте затопили несколько старых кораблей, что преградило доступ сюда вражеского флота. На береговых укреплениях были установлены около 2 тыс. орудий, снятых с кораблей. 5 (17) октября 1854 г. англо-французские силы предприняли первую бомбардировку города, которая продолжалась несколько часов и привела к значительным потерям с обеих сторон. Союзные войска вынуждены были отказаться от штурма и перейти к осаде. Началась героическая 349-дневная оборона Севастополя. Защитники города стойко отражали штурмы и совершали вылазки. Вся Россия узнала имена героев-севастопольцев матросов П. Кошки, А. Рыбакова, солдат И. Шевченко, А. Елисеева, сестры милосердия Дарьи Севастопольской. На бастионах города в чине офицера сражался Л. Н. Толстой, описавший героические дни обороны в «Севастопольских рассказах» (1855). Молодой писатель вел также дневник, извлечения из которого за 1854 и 1855 гг. публикуются ниже (док. № 15). Русская армия под командованием А. С. Меншикова в октябре 1854 г. совершила безуспешные атаки англо-французских позиций под Балаклавой и Инкерманом. Не принесло ожидаемого

результата и организованное 5 (17) февраля 1855 г. наступление 19-тысячного русского полевого отряда на Евпаторию. В сражении у реки Черная 4 (16) августа 1855 г. новый главнокомандующий М. Д. Горчаков предпринял последнюю, безуспешную, попытку вынудить союзную армию снять осаду Севастополя.

Вражеские бомбардировки Севастополя на прекращались, но попытки штурма были отбиты. При этом положение защитников города с каждым днем ухудшалось: ощущалась острая нехватка боеприпасов, продовольствия и медикаментов. Севастопольцам приходилось отвечать одним выстрелом на 3-4 неприятельских. Офицеры и генералитет показывали образцы стойкости и мужества. При обороне Севастополя погибли адмиралы В. И. Истомин и П. С. Нахимов, был тяжело ранен генерал-лейтенант С. А. Хрулев.

27 августа (8 сентября) 1855 г. неприятель предпринял решительный штурм города и ценой огромных потерь овладел господствующей высотой – Малаховым курганом. С военной точки зрения дальнейшая оборона Севастополя становилась бессмысленной, и его защитники по наплавному мосту переправились на северную сторону Севастопольской бухты. Перед этим были взорваны укрепления, пороховые погреба и затоплены военные суда, стоявшие в бухте, 30 августа (11 сентября) англо-французские войска вступили в город, но найдя там одни развалины, возвратились в свой лагерь. Укрепиться на берегах Черного моря и начать наступление в сторону Перекопа союзнические силы оказались не в состоянии. Падение Севастополя предрешило исход войны.

Новый российский император Александр II, занявший престол после внезапной смерти Николая I (18 февраля (2 марта) 1855 г.) решил пойти на переговоры о мире. С инициативой прекращения войны выступила Франция, и в Париже открылся конгресс великих держав. 18 (30) марта 1856 г. был подписан мирный договор и ряд конвенций между Россией, Османской империей, Великобританией, Францией, Австрией, Пруссией (док. № 16–18). По условиям Парижского договора, Черное море объявлялось «нейтральным», т. е. недоступным для военного флота прибрежных и прочих держав, в силу чего Россия потеряла право иметь на Черном море военный флот и военно-морские арсеналы. Россия лишилась южной части Бессарабии с устьем Дуная, но ей возвращался Севастополь, Евпатория и другие города в Крыму «в обмен» на возвращенный Турции Карс. Покровительство турецким христианам передавалось в руки всех великих держав. Особой конвенцией о проливах было установлено, что Дарданеллы и Босфор закрыты для прохода военных судов иностранных государств.

Крымская война вскрыла экономическую и техническую отсталость России от европейских государств и показала необходимость проведения преобразований в стране.

**1. Из именного указа от 3 июля 1826 г.
«О присоединении особенной канцелярии министерства
внутренних дел к собственной его величества канцелярии»**

... Предметами занятий сего 3 Отделения собственной моей канцелярии, назначаю:

1. Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции.
2. Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов.
3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и прочим, коих розыскания и дальнейшее производство остается в зависимости министерств: финансов и внутренних дел.
4. Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.
5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.
6. Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются государственные преступники.
7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из одного выезжающих.
8. Ведомости о всех без исключения происшествиях.
9. Статистические сведения, до полиции относящиеся.

На основании сих начал, предписываю вам: 1. Переобразовать тотчас по вышеписанному Особенную канцелярию министерства внутренних дел, в состав 3 отделения собственной моей канцелярии. <...> Наконец, 4, войти в надлежащее сношение с генерал-адъютантом Бенкендорфом о всех средствах, кои представятся успешнейшими к исполнению сего устройства.

ПСЗ-2. Т. 1. №449. С. 666.

**2. Из доклада министра народного просвещения С. С. Уварова
императору Николаю I от 19 ноября 1833 г.
«О некоторых общих началах, могущих служить руководством
при управлении Министерством народного просвещения»**

По вступлению моему с высочайшего вашего императорского величества повелению в должность министра народного просвещения, употребил я, так сказать, заглавным местом, лозунгом моего управления, следующие выражения: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе православия, самодержавия и народности».

Вместе с сим, считаю себя обязанным представить вашему величеству краткий, но чистосердечный отчет в моих понятиях о важном начале, мною принимаемом в руководство.

Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, не взирая на повсеместное распространение разрушительных начал,

Россия, к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия. Правительству, конечно, в особенности высочайше вверенному мне министерству, принадлежит собрать их в одно целое и связать ими якорь нашего спасения, но сии начала, рассеянные преждевременным и поверхностным просвещением, мечтательными, неудачными опытами, сии начала без единодушия, без общего средоточия, и коим в течение последних 30 лет предстояла непрерывная борьба, продолжительная и упрямая, как согласить их с настоящим расположением умов? Успеем ли мы включить их в систему общего образования, которая соединяла бы выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего? Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к европейскому просвещению, к европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью? Чья рука – и сильная и опытная, может удержать стремление умов в границах порядка и тишины и откинуть все, что могло бы нарушить общее устройство? <...>

Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных: 1) Православная вера. 2) Самодержавие. 3) Народность.

Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это было бы измена в пространном смысле. Довольно одной народной гордости, чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный государю и отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха.

Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный. Эту истину чувствуют неисчислимое большинство между русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении

и в образе мыслей, и в отношениях к правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании. Правительство не нуждается, конечно, в похвальных себе словах, но может ли оно не пешихсь о том, чтобы спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется спасительным духом самодержавия – сильного, человеколюбивого, просвещенного, обращалось в неоспоримый факт, долженствующий одушевлять всех и каждого, в дни спокойствия, как и в минуты бури?

Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное – народность. Дабы трон и церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство народности, их связующее. Вопрос о народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице истории русского народа. Относительно народности все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к народному воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека, и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей, находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния – твердо и невредино укрепиться может.

Время, обстоятельства, любовь к Отечеству, преданность монарху – все должно нас уверить в том, что пора нам, особенно касательно народного воспитания, обратиться к духу монархических учреждений и в них искать той силы, того единства, той прочности, коих мы слишком часто думали открыть в мечтательных призраках, равно для нас чуждых и бесполезных, следуя коим нетрудно было бы, наконец, утратить все остатки народности, не достигнув мнимой цели европейского образования. <...>

Дано ли нам посреди бури, волнующей Европу, посреди быстрого падения всех подпор гражданского общества, посреди печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, укрепить слабыми руками любезное отечество на верном якоре, на твердых основаниях спасительного начала? Разум, испуганный при виде общих бедствий народов, при виде обломков прошедшего, падающих вокруг нас, и не прозревая будущего сквозь мрачную завесу событий, невольно предается унынию и колеблется в своих заключениях. Но если отечеству нашему – нам, русским, и сомневаться в том нельзя, – охраняемому Промыслом, даровавшим нам в лице великодушного, просвещенного, истинно русского монарха – залог неврединой силы

государства, должно устоять против порывов бури, ежеминутно нам грозящей, то образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе православия, самодержавия и народности составляет, бесспорно, одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и вместе одно из труднейших поручений, коим доверенность монарха могла бы почтить верноподданного, постигающего и важность оно, и цену каждого мгновения и несоразмерность своих сил, и ответственность свою перед Богом, государем и Отечеством.

Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 102–107.

3. «Предварительные соображения о преобразовании управления государственных имуществ», изложенные П. Д. Киселевым в докладе императору Николаю I 17 мая 1837 г. (извлечение)

Недостаток управления составлял до сего времени одну из важнейших причин, препятствующих благосостоянию государственных крестьян и благоустройству государственных имуществ. <...>

Управление государственными имуществами и крестьянами, по обширности круга действий и важности объемлемых им предметов, для достижения надлежащего успеха, следует сосредоточить в отдельном составе. В отношении государственных крестьян оно должно быть сообразно с настоящей степенью гражданского и нравственного их быта и вести их к благосостоянию путем ближайшего непосредственного попечительства, а в отношении собственно государственных имуществ должно соответствовать их роду и пространству. На сем основании учреждается особое министерство государственных имуществ, а в губерниях – палаты государственных имуществ. Государственные имуществы и крестьяне в губерниях разделяются на округа, волости и сельские общества. <...>

В губерниях, в ведомство палат государственных имуществ отделяются все части управления государственными имуществами, все предметы попечительства над государственными крестьянами, свободными хлебопашцами и колонистами.

Для исполнения распоряжений палаты и ближайшего наблюдения на местах за благоустройством государственных имуществ и благосостоянием крестьян определяются окружные начальники <...>. Окружным начальникам предоставить исключительные дела, относящиеся до улучшения нравственного состояния крестьян, до гражданского их быта, строительной части, обеспечения продовольствия, хозяйства, податей, повинностей и защиты по судебным делам. <...>

Земли и угодья оставляются в бессрочном пользовании обществ с предоставлением им права распределять земли между домохозяевами в том порядке, в каком они сами признают для себя удобнейшим.

Селения малоземельные или наделяются землей из свободных казенных участков, или из них производятся переселения на свободные казенные земли на основании особых правил. <...>

Оброчная, следующая с государственных крестьян, подать, а равно подушная подать и земские повинности исчисляются по душам, но распределяются между сельскими обществами соразмерно местным выгодам от земли и промыслов каждого сельского общества. <...>

В видах улучшения нравственности крестьян учредить для них приходские училища, для образования соответственного их званию; привлечь благонадежных священников в казенные селения, назначением им приличного содержания.

Для наблюдения в казенных селениях полицейского порядка составить сельский полицейский устав, который содержал бы в себе общие и частные правила, необходимые для сведения и руководства поселян, как членов общества.

При общей безграмотности поселян, недоступности для них судебных форм и обрядов, и при самой ограниченности частного их достояния, предоставленную им расправу по маловажным тяжбам и проступкам устроить на определенном основании, согласив сколь возможно более с существующими законами. С сей целью учредить расправы: сельскую и волостную, и составить для них сельский судебный устав, с изложением в нем порядка судопроизводства по спорам и тяжбам государственных крестьян об имуществе, проступках крестьян и наказаниях за оные и, наконец, порядка судопроизводства по проступкам.

*Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время.
СПб., 1882. Т. 2. С. 52–57.*

4. Из речи императора Николая I на заседании Государственного совета 30 марта 1842 г.

... Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему *теперь* было бы делом еще более гибельным. Покойный император Александр в начале своего царствования имел намерение дать крепостным людям свободу, но потом сам отклонился от своей мысли, как совершенно еще преждевременной и невозможной в исполнении. Я так же никогда на это не решусь, считая, что если время, когда можно будет приступить к такой мере, вообще очень еще далеко, то в настоящую эпоху всякий помысел о том был бы не что иное, как преступное посягательство на общественное спокойствие и на благо государства. Пугачевский бунт доказал, до чего может доходить буйство

черни. Позднейшие события и попытки в таком роде до сих пор всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь будет точно также предметом особенной и, с помощью Божией, успешной заботливости правительства. Но нельзя скрывать от себя, что теперь мысли уже не те, какие бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынешнее положение не может продолжаться навсегда. Причины этой перемены мыслей и чаще повторяющихся в последнее время беспокойств я не могу не отнести больше всего к двум причинам. Во-первых, к собственной неосторожности помещиков, которые дают своим крепостным несвойственное состоянию последних высшее воспитание, а через то, развивая в них новый круг понятий, делают их положение еще более тягостным. Во-вторых, к тому, что некоторые помещики – хотя, благодаря Богу, самое меньшее их число, – забывая благородный долг, употребляют свою власть во зло, а дворянские предводители, как многие из них сами мне отзывались, к пресечению таких злоупотреблений не находят средств в законе, ничем почти не ограничивающем помещичьей власти. Но если нынешнее положение таково, что оно не может продолжаться, и если вместе с тем и решительные к прекращению его способы также невозможны без общего потрясения, то необходимо, по крайней мере, приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей и, не утрущаясь перед всякой переменой, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия. Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу к переходному состоянию, а с ним связать ненарушимое охранение вотчинной собственности на землю. Я считаю это священной моей обязанностью и обязанностью тех, кто будет после меня, а средства, по моему мнению, вполне представляются в предложенном теперь Совету проекте указа. Он, во первых, не есть закон новый, а только следствие и, так сказать, развитие существующего сорок лет закона о свободных хлебопашцах; во вторых, устраняет, однако же, вредное начало этого закона – отчуждение от помещиков поземельной собственности, которую, напротив, столько по всему желательно видеть навсегда неприкосновенной в руках дворянства, – мысль, от которой я никогда не отступлю; в третьих, выражает прямо волю и убеждение правительства, что земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков, – предмет такой же первостепенной важности для будущего спокойствия; наконец, в четвертых, без всяких крутых переверотов, без всякого даже вида нововведения дает каждому благонамеренному владельцу способы улучшать положение его крестьян и, отнюдь не налагая ни на кого обязанности принужденной, или стесняющей в чем-нибудь право собственности, предоставляет все доброй воле каждого и влечению собственного его сердца.

С другой стороны, проект оставляет крестьян крепкими той земле, на которой они записаны, и через это избегает неудобств положений, действовавших доныне в остзейских губерниях, – положений, которые довели крестьян до самого жалкого состояния, обратили их в батраков и побудили тамошнее дворянство просить именно о том же, что теперь здесь предлагается. Между тем, я повторяю, что все должно идти постепенно и не может и не должно быть сделано разом или вдруг. Проект содержит в себе одни главные

начала и первые указания. Он открывает всякому, как я уже сказал, способ следовать, под защитой и при пособии закона, сердечному своему влечению. В ограждение интереса помещиков ставится добрая их воля и собственная заботливость, а интерес крестьян будет огражден через рассмотрение каждый раз условий не только местными властями, но и высшим правительством, с утверждения власти самодержавной. Идти теперь далее и вперед обнять все прочие, может статься, очень обширные и дробные развития этих главных начал – невозможно. Когда помещики, которые пожелают воспользоваться действием указа, представят проекты условий, основанные на местностях и на различных родах сельского хозяйства, тогда соображение этих условий тем же порядком, как теперь договоров со свободными хлебопашцами, укажет, по практическим их данным, что нужно и можно будет сделать в подробностях и чего в настоящее время, о подной теории, со всей осторожностью и прозорливостью, никак вперед предусмотреть нельзя. Но отлагать начинание, которого польза очевидна, и отлагать потому только, что некоторые вопросы с намерением оставляются неразрешенными и на первый раз предвидятся некоторые недоумения, – я не нахожу никакой причины. Невозможно ожидать, чтобы дело принялось вдруг и повсеместно. Это даже не соответствовало бы и нашим видам. Между тем при постепенном и, вероятно, довольно медленном развитии его на разных пунктах империи, опыт всего лучше и надежнее придет здесь на помощь. Этим опытом, без сомнения, развяжутся и такие вопросы, которые теперь, без его пособия, кажутся затруднительными. Закон должен вмещать в себя одни главные начала; частности разрешатся по мере частных случаев, и впоследствии совокупный свод таких случаев составит основу целого, положительного уже законодательства. Настоящим делом очень долго и подробно занимался Особый комитет, которому оно было от меня поручено, но, не скрывая перед собой всех его трудностей, я не решился подписать указ без нового пересмотра в Государственном совете. Я люблю всегда правду, господа, и, полагаясь на вашу опытность и верноподданническое усердие, приглашаю вас теперь изъяснить ваши мысли со всей откровенностью, не стесняясь личным моим убеждением. Одно только не могу не поставить с прискорбием в виду Совета – именно той публичной, естественно преувеличенной народной молвы, которой источники отношу к неуместным разглашениям со стороны лиц, облеченных моим доверием и обязанных, самым долгом их присяги, хранить государственную тайну. Я принужден по этому случаю подтвердить перед всем собранием Совета, чтобы впредь присяжный долг исполняем был ненарушимо как членами, так и канцелярией, и предваряю, что если бы, сверх ожидания, опять дошло до моего сведения о подобных разглашениях, то я велю тотчас судить виноватых по строгости законов, как за государственное преступление.

Император Николай I в совещательных собраниях (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа) //
Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 114–117.

5. Из указа от 2 апреля 1842 г. о предоставлении помещикам права заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян

...Мы признали за благо <...> предоставить тем из помещиков, которые сами сего пожелают, заключать с крестьянами своими, по взаимному соглашению, договоры на таком основании, чтобы, не стесняясь постановлениями о свободных хлебопашцах, помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю, со всеми ее угодьями и богатствами, как на поверхности, так и в недрах ее, а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности. При составлении таковых договоров, помещики могут постановлять с крестьянами дальнейшие условия, по взаимному с ними соглашению, на следующих рассмотренных в Государственном совете и нами утвержденных главных правилах:

1. Повинности крестьян в пользу помещиков могут быть определены в договорах денежным оброком, произведениями, обработыванием помещичьей земли, или другою работою.

2. В случае неисполнения крестьянами приемлемых ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются к тому земской полицией, под руководством уездных предводителей дворянства и под высшим наблюдением губернского правления.

3. Крестьяне, по надлежащем утверждении заключенных между ими и помещиками договоров, принимают название обязанных крестьян.

4. Рекрутская повинность в селениях обязанных крестьян отправляется по очередному порядку, в рекрутском уставе постановленному. <...>

6. Помещики учреждают в селениях обязанных крестьян вотчинное управление и имеют высшее наблюдение за сельскою в них полициею и за исполнением законов о сельском благоустройстве; им принадлежит также право суда и расправы в проступках и маловажных преступлениях обязанных крестьян и первоначальный разбор взаимных между ими тяжб и споров. <...>

8. Помещики и обязанные крестьяне сохраняют заключенные ими между собою договоры навсегда ненарушимо, имея однако право особыми частными условиями делать изменения в наделе землею и повинностях на определенные сроки, с обоюдного согласия; а если имения состоят в залоге, то и с согласия подлежащих кредитных установлений; во всех же случаях не иначе, как с предварительного утверждения правительства. <...>

ПСЗ-2. Т. 17. № 15462. С. 261, 262.

**6. Указ от 3 марта 1848 г. о предоставлении помещичьим
крестьянам и крепостным людям покупать и приобретать
в собственность земли, дома, лавки и недвижимое имущество**

Желая дать новое поощрение земледелию и промышленности народной, признали мы за благо право приобретения земель и другой недвижимой собственности, ныне крестьянам разных именований предоставленное, распространить и на крепостных людей, с оставлением во всей силе и неприкосновенности всех существующих ныне между сими людьми и владельцами их соотношений.

Вследствие сего повелеваем: 1) Крестьянам помещичьим и вообще крепостным людям предоставить покупать и другими в законах дозволенными способами приобретать в собственность земли, дома, лавки и всякого рода недвижимые имущества, кроме лишь имений населенных, соблюдая относительно владения домами и лавками в городах общие по сему предмету правила. Само собою разумеется, что приобретать такую собственность, а равно и отчуждать оную, крепостные люди могут не иначе, как с согласия своих помещиков, надлежащим образом удостоверенного и, до совершения акта приобретения или отчуждения, в присутственном месте предъявленного. 2) Если бы некоторыми крепостными людьми были в прежнее время куплены земли, дома или лавки на имя их помещиков, то никаких о том от крепостных людей споров не допускать и никаких по оным розысканий не делать, дозволив впрочем помещикам, по собственному каждого усмотрению, выдавать владеющим такими имуществами, если только они не находятся в залоге или в составе заложенных имений, надлежащие на оные купчие крепости на гербовой нисшего достоинства бумаге, без взимания пошлин. Выдача таких купчих беспошлинно на гербовой нисшего достоинства бумаге допускается в течение десяти лет со дня издания настоящего указа.

ПСЗ-2. Т. 23. № 22042. С. 157, 158.

Восточный вопрос. Крымская война и крушение Венской системы

7. Из «Трактата о вечном мире» между Россией и Персией (Ираном), заключенного в Туркманчае 10 (22) февраля 1828 г.

...Статья I. Отныне на вечные времена пребудет мир, дружба и совершенное согласие между его величеством императором всероссийским и его величеством шахом персидским, их наследниками и преемниками престолов, их державами и обоюдными подданными. <...>

Статья III. Его величество шах персидский от своего имени, и от имени своих наследников и преемников уступает Российской империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса, и ханство Нахичеванское. <...>

Статья V. Его величество шах персидский в доказательство искренней своей дружбы к его величеству императору всероссийскому, настоящею статьею как от своего имени, так и от имени своих наследников и преемников персидского престола признает торжественно все земли и острова, лежащие между пограничною чертою, выше означенною, и между хребтом Кавказских гор и Каспийским морем, как равно и всех кочующих и других народов в тех странах обитающих, принадлежащими на вечные времена Российской империи.

Статья VI. Его величество шах персидский, в уважение значительных пожертвований, причиненных Российской империи возникшею между обоими государствами войною, а также потерь и убытков, потерпенных российскими подданными, обязуется вознаградить оные денежным возмездием. Сумму сего вознаграждения обе высокия договаривающиеся стороны постановили в десять куруров томанов раидже, или 20 миллионов рублей серебром; сроки же, образ платежа и обеспечение онаго постановлены в особом договоре, который будет иметь такую же силу, как бы он был внесен в настоящий трактат от слова до слова. <...>

Статья VIII. Российския купеческия суда, по прежнему обычаю, имеют право плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов онаго, как равно и приставать к ним; в случае кораблекрушения имеет быть подаваема им в Персии всякая помощь. Таким же образом предоставляется и персидским купеческим судам право плавать на прежнем положении по Каспийскому морю и приставать к берегам российским, где взаимно, в случае кораблекрушения, имеет быть оказываемо им всякое пособие. Относительно же военных судов, как издревле одни военные суда под российским военным флагом могли иметь плавание на Каспийском море; то по сей причине предоставляется и подтверждается им и ныне прежнее сие исключительное право, с тем, что кроме России никакая другая держава не может иметь на Каспийском море судов военных. <...>

ПСЗ-2. Т. 3. № 1794. С. 126–128.

**8. Из трактата, заключенного в Адрианополе 2 (14) сентября 1829 г.
между Российской империей и Оттоманской Портой,
«о прекращении войны и вечном мире...»**

...Статья I. Всякая вражда и несогласие, существовавшие доселе между обеими империями, отныне прекращаются на суше и на морях; и да будет навеки мир, дружба и доброе согласие между его величеством императором и падишахом всероссийским и его величеством императором и падишахом оттоманским, их наследниками и преемниками, а также и между их империями. Обе высокие договаривающиеся стороны будут особенно пеших о предупреждении всего, что могло бы возродить неприязнь между обоюдными подданными. <...>

Статья III. Границей между обеими империями по-прежнему будет река Прут, от самого ее впадения в Молдавию до соединения с Дунаем. Оттоле черта граничная долженствует следовать течению Дуная до впадения Георгиевского гирла в море так, что все острова, образуемые различными рукавами сей реки, будут принадлежать России; правый же ее берег по-прежнему останется во владении Порты Оттоманской. Между тем постановляется, что оный правый берег, начиная с точки, где гирло Георгиевское отделяется от Сулинского, пребудет незаселенным на расстоянии двух часов пути от реки, и что на нем не будет никаких заведений; а также и на островах, переходящих во владение двора Российского, не будет дозволено устраивать никаких заведений или укреплений, кроме карантинных. Купеческим судам обеих держав предоставляется свободное плавание по всему течению Дуная, разумея, что таковые суда под флагом оттоманским могут невозбранно входить в гирла Килийское и Сулинское и что гирло Георгиевское остается общим для военного и купеческого флотов обеих империй. Однако же российские военные корабли не должны ходить вверх по Дунаю далее места его соединения с Прутом.

Статья IV. Грузия, Имеретия, Мингрелия, Гурия и многие другие области Закавказские с давних уже лет присоединены на вечные времена к Российской империи: сей державе уступлены также трактатом, заключенным с Персией в Туркманчае 10 февраля 1828 года, ханства Эриванское и Нахичеванское. А потому обе высокие договаривающиеся стороны признали необходимым учредить между обоюдными владениями, по всей помянутой черте, границу определительную и способную отвратить всякое недоразумение на будущее время. Равным образом приняли они в соображение средства, могущие положить неодолимую преграду набегам и грабежам сопредельных племен, доселе столь часто нарушавших связи дружбы и доброго соседства между обеими империями. Вследствие сего положено признавать отныне границею между владениями в Азии императорского Российского Двора и Блистательной Порты Оттоманской черту, которая, следуя по нынешнему рубежу Гурии от Черного моря, восходит до границы Имеретии и оттуда в прямейшем направлении до точки, где граница Ахалцыхского и Карсского пашалыков соединяется с Грузинскою таким образом, чтобы город Ахалцых и крепость

Ахалкалаки остались на севере от помянутой черты, и в расстоянии не ближе двух часов пути от оной. <...>

Все земли, лежащие на юг и на запад от вышесказанной граничной черты к стороне Карсского и Трапезундского пашалыков с большею частью Ахалцыхского пашалыка, останутся в вечном владении Блистательной Порты; земли же, лежащие на север и на восток от оной черты к стороне Грузии, Имеретии и Гурии, а равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно пребудут в вечном владении Российской империи. <...>

Статья V. Поелику княжества Молдавское и Валахское подчинили себя особыми капитуляциями верховной власти Блистательной Порты, и поелику Россия приняла на себя ручательство в их благоденствии; то ныне сохраняются им все права, преимущества и выгоды, дарованные в тех капитуляциях или же в договорах, между обоими императорскими дворами заключенных. <...> По сему оным княжествам предоставляется свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли. <...>

Статья VII. Российские подданные будут пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полною и совершенною свободою торговли, предоставленною им в трактатах, доныне между обеими высокими договаривающимися державами заключенных. Сия свобода торговли отнюдь не будет нарушаема или стесняема ни в каком случае и ни под каким предлогом, ни посредством каких-либо запрещений или ограничений, ниже по поводу каких-либо учреждений и мер, вводимых по части внутреннего управления или законодательства. Российские подданные, их суда и товары, будут ограждены от всякого насилия и притязания: первые исключительно будут состоять под судебным и полицейским заведыванием министра и консулов российских; а суда российские не будут подлежать никакому внутреннему досмотру со стороны оттоманских властей, ни в открытом море, ни в гаванях, пристанях или на рейдах Турецкой империи; товары же всякого рода или припасы, российским подданным принадлежащие, по очищении установленною тарифами таможенною пошлиною, беспрепятственно могут быть проданы, сложены на берегу в магазины хозяев или их поверенных, или перегружены на другое судно, какой бы то державы ни было, так, что о сем российские подданные не обязаны извещать местные начальства, а еще менее испрашивать на то их дозволения. Притом постановляется, что сии преимущества простираются и на торговлю хлебом, вывозимым из России, и к свободному провозу оного никогда и ни под каким предлогом не будет делаяемо затруднений или помешательств.

Сверх того, Блистательная Порта обязуется наблюдать тщательно, чтобы торговля, и особенно плавание по Черному морю, не подвергались каким-либо препятствиям. На сей конец она признает и объявляет, что ход чрез Константинопольский канал и Дарданельский пролив совершенно свободен и открыт для российских судов под купеческим флагом, с грузом или с балластом, имеющих приходить из Черного моря в Средиземное или из

Средиземного в Черное. Сии суда, если токмо будут купеческие, не взирая ни на величину их, ни на количество их груза, не будут подвергаться ни остановке, ни притеснению, согласно с тем, как выше постановлено. Оба императорские двора войдут между собою в соглашение об удобнейших средствах отвратить всякую медленность в снабжении судов надлежащими видами при их отправлении.

На сем же основании и при соблюдении тех же условий, какие постановлены для судов под российским флагом, ход чрез Константинопольский канал и Дарданельский пролив объявляется свободным и открытым для купеческих судов и всех держав, состоящих в дружбе с Высокою Портою, будут ли оные суда плыть в российские гавани, на Черном море лежащие, или возвращаться оттуда с грузом или балластом.

ПСЗ-2. Т. 4. № 3128. С. 622, 624–627.

9. Из договора, заключенного между Российской империей и Османской Портой в Ункяр-Искелесси 26 июня (8 июля) 1833 г.

...Статья I. Мир, дружба и союз будут навеки существовать между его величеством императором всероссийским и его величеством императором османским, между державами их и между их подданными как на твердой земле, так и на водах. Поелику сей союз имеет единственно целью взаимную защиту их государств против всякого покушения, то их величества обещают согласоваться откровенно касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности и на сей конец подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление.

Статья II. Мирный трактат, заключенный в Адрианополе 2 сентября 1829 года, равно как и все прочие трактаты в оном упомянутые, а также конвенция, подписанная в С.-Петербурге 14 апреля 1830 года, и уговор, состоявшийся в Константинополе 9 (21) июля 1832 года относительно Греции, – подтверждены во всей их полноте настоящим союзным оборонительным договором, так точно, как если бы означенные акты были включены в оном от слова до слова.

Статья III. Сообразно правилам охранения и взаимной защиты, которые служат основанием настоящему союзному договору, и вследствие искреннейшего желания обеспечить существование, сохранение и полную независимость Блистательной Порты, его величество император всероссийский, в случае если бы представились обстоятельства, могущие снова побудить Блистательную Порту требовать от России воинской и морской помощи, хотя сие, Богу соизволяюще, вовсе не предвидится, обещает снабдить сухим путем и морем таким количеством войск и сил, какое обе высокие договаривающиеся стороны признают нужным. А потому постановлено, что в таковом случае сухопутные и морские силы, которые Блистательная Порта потребует для своей защиты, будут готовы в её распоряжение.

Статья IV. На основании вышесказанного, в случае если одна из двух держав потребует от другой помощи, то одни токмо расходы по предмету продовольствия отряженных на сей конец сухопутных и морских сил, будут отнесены на счет той державы, которая требовала вспомоществования. <...>

Отдельная и секретная статья. По силе одного из условных пунктов статьи 1-й явного союзного оборонительного договора, заключенного между Российским императорским Двором и Блистательной Портой, обе высокие договаривающиеся стороны обязаны подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление для безопасности обоюдных их держав. Однако, поелику его величество император всероссийский, желая освободить Блистательную Порту Оттоманскую от тягости и неудобств, которые произошли бы для неё от доставления существенной помощи, не будет требовать таковой помощи в случае, если бы обстоятельства поставили Блистательную Порту в обязанность подавать оную, то Блистательная Порта Оттоманская взамен помощи, которую она в случае нужды обязана подавать, по силе правил взаимности явного договора, должна будет ограничить действия свои в пользу императорского Российского Двора закрытием Дарданельского пролива, то есть не допускать никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом. Настоящая отдельная и секретная статья будет иметь равную силу, как если бы она была включена от слова до слова в союзный договор, сего числа заключенный. В Константинополе, июля 26 дня, 1833 года.

Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком: политические и торговые. СПб., 1869. С. 90–92.

10. Из конвенции о проливах, заключенной в Лондоне 1 (13) июля 1841 г.

... Статья I. Его величество султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твердое намерение на будущее время соблюдать начало, непреложно установленное как древнее правило его империи, и в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав заходить в проливы Дарданелл и Босфора, и, пока Порта находится в мире, его султанское величество не допустит ни одного военного иностранного судна в сказанные проливы.

И их величества император всероссийский, император австрийский, король венгерский и богемский, король французов, королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии и король прусский, с другой стороны, обещают уважать это решение султана и сообразоваться с вышеизложенным началом.

Статья II. Положено, что, подтверждая неприкосновенность древнего правила Оттоманской империи, изложенного в предыдущей статье, султан предоставляет себе по-прежнему выдавать фирманы на проход легких судов

под военным флагом, состоящих по обычаю в распоряжении посольств дружественных держав.

Статья III. Его величество султан предоставляет себе эту конвенцию довести до сведения всех держав, с коими Блистательная Порта находится в дружественных отношениях, и предложить им приступить к оной. <...>

Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком: политические и торговые. СПб., 1869. С. 102, 103.

**11. Из меморандума, приложенного к всеподданейшему донесению
министра иностранных дел К. В. Нессельроде из Лондона
19 сентября 1844 г.**

Россия и Англия проникнуты взаимным убеждением, что их общие интересы состоят в том, чтобы Порта Оттоманская сохранила свою независимость и территориальные владения, из которых в настоящее время состоит империя; такая политическая комбинация лучше всего отвечает общим интересам сохранения мира. <...>

Впрочем, нельзя не признаться, что империя эта содержит в себе много элементов разложения. Непредвиденные обстоятельства могут ускорить ее падение, не дав дружественным дворам времени предупредить его. Принимая во внимание, что человеческой предусмотрительности не дано установить заранее план действия на тот или другой неожиданный случай, было бы преждевременно приступать к обсуждению случайностей, которые могут и не произойти. В неизвестности, обнимающей будущее, одна основная мысль представляется действительно осуществимой, а именно: опасность, которая могла бы быть вызвана катастрофой в Турции, будет значительно уменьшена, если при наступлении ее Россия и Англия условятся о тех мерах, которые они должны принять сообща. <...> Цель, в виду которой Россия и Англия должны будут прийти к соглашению, может быть сформулирована следующим образом:

1. Стараться поддержать существование Оттоманской империи в настоящем ее состоянии, пока эта политическая комбинация окажется возможною.

2. Если мы будем предвидеть, что она должна разрушиться, то условимся предварительно об учреждении нового порядка взамен нынешнего и о совместном наблюдении за тем, чтобы перемены, происшедшие во внутреннем положении этой империи, не угрожали бы ни их безопасности, ни правам, предоставленным договорами каждой из них, ни сохранению европейского равновесия.

*Хрестоматия по истории международных отношений. Вып. I.
Европа и Америка / Сост. В. И. Киселева, Л. Е. Кертман, М. Т. Панченко,
Е. Е. Юровская. М., 1963. С. 158, 159.*

12. Манифест 14 июня 1853 г. «О движении российских войск в Придунайские княжества»

Известно любезным Нашим верноподданным, что защита православия была искони обетом блаженных предков наших.

С того самого времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить нам наследственный престол, охранение сих святых обязанностей, с ним неразлучных, было постоянно предметом заботливости и попечений наших; и они, имея основанием достославный Кайнарджийский договор, подтвержденный последующими торжественными трактатами с Оттоманской Портой, всегда направлены были к обеспечению прав Церкви Православной.

Но, к крайнему прискорбию, в последнее время, вопреки всех усилий наших защитить неприкосновенность прав и преимуществ нашей Православной Церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушали сии права и грозили, наконец, совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка, столь православию драгоценного.

Старания наши удержать Порту от подобных действий остались тщетными, и даже торжественно данное нам самим султаном слово было вскоре вероломно нарушено. Истошив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали мы необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены мы начинать войны; занятием княжеств мы хотим иметь в руках наших такой залог, который бы во всяком случае ручался нам в восстановлении наших прав.

Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор наш и, с полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдем вперед – за веру православную.

ПСЗ-2. Т. 28. № 27344. С. 289, 290.

13. Из манифеста 20 октября 1853 г. «О войне с Оттоманскою Портою»

Манифестом нашим, данным в 14-й день июня текущего года <...>, мы объявили любезным нашим верноподданным о причинах, побудивших нас требовать от Порты Оттоманской твердого обеспечения на будущее время священных прав Церкви Православной.

Мы также возвестили им, что все старания наши склонить Порту, мерами дружеского убеждения, к чувству правоты и добросовестному соблюдению трактатов оставались бесполезными; почему и признано было нами необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества. Но, приняв сию меру, мы сохраняли еще надежду, что Порта, в сознании своих заблуждений, решится исполнить справедливые наши требования.

Ожидания наши не оправдались.

Тщетно даже главные европейские державы старались своими увещеваниями поколебать закостенелое упорство турецкого правительства. На миролюбивые усилия Европы, на наше долготерпение оно ответствовало объявлением войны и прокламацией, исполненною изветов против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в ряды своих войск, Порта открыла уже военные действия на Дунае. Россия вызвана на брань: ей остается, – возложив упование на Бога, – прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским.

Мы твердо убеждены, что наши верноподданные соединят с нами теплые мольбы ко Всевышнему, да благословит десница Его оружие, поднятое нами за святое и правое дело, находившее всегда ревностных поборников в наших благочестивых предках. <...>

ПСЗ-2. Т. 28. № 27628. С. 490, 491.

14. Манифест 9 февраля 1854 г.

«О прекращении политических сношений с Англиею и Франциею»

Мы уже возвестили любезным нашим верноподданным о причине несогласий наших с Оттоманской Портой. С тех пор, невзирая на открытие военных действий, мы не переставали искренно желать, как и ныне желаем, прекращения кровопролития. Мы питали даже надежду, что размышление и время убедят турецкое правительство в его заблуждении, порожденном коварными наущениями, в коих наши справедливые, на трактатах основанные требования, представлены были как посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладание! Но тщетны были доселе наши ожидания. Английское и французское правительства вступились за Турцию, и появление соединенных их флотов у Царьграда послужило вящим поощрением её упорству. Наконец, обе западные державы, без предварительного объявления войны, ввели свои флоты в Черное море, провозгласив намерение защищать турок и препятствовать нашим военным судам в свободном плавании для обороны берегов наших.

После столь неслыханного между просвещенными государствами образа действий, мы отозвали наши посольства из Англии и Франции и прервали всякие политические сношения с сими державами.

Итак, против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства становятся Англия и Франция!

Но Россия не изменит святому своему призванию, и если на пределы ее нападут враги, то мы готовы встретить их с твердостью, завещанную нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года? Да поможет нам Всевышний доказать сие на деле! В этом уповании, подвизаясь за угнетенных братьев, исповедующих веру Христову, единно сердцем всея России воззовем: «Господь, наш! Избавитель наш! Кого убоимся! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!»

ПСЗ-2. Т. 29. № 27916. С. 176, 177.

15. Толстой Л. Н. Дневники 1854 и 1855 гг. (извлечения)

...2 ноября 1854. Одесса. <...> Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, возставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства.

В числе бесполезных жертв этого несчастного дела убиты Соймонов и Камстадиус. Про первого говорят, что он был один из немногих честных и мыслящих генералов русской армии; второго же я знал довольно близко: он был членом нашего общества и будущим издателем журнала. Его смерть более всего побудила меня проситься в Севастополь. Мне как будто стало совестно перед ним.

Английские пароходы продолжают блокировать Одессу. Море к несчастью тихо. Говорят, что 27 было дело опять без результатов и что 3 будет приступ. <...>

11 ноября. [Севастополь.] Я приехал 7-го, все слухи, мучившие меня дорогой, оказались враньем. <...>. Все укрепления наши видел издали и некоторые вблизи. Взять Севастополь нет никакой возможности – в этом убежден, кажется, и неприятель – по моему мнению он прикрывает отступление. <...> Из начальников порядочными людьми оказываются здесь – Нахимов, Тотлебен, Истомин. – Менщиков кажется мне хорошим главнокомандующим; но несчастно начавшим свое военное поприще с меньшими силами против втрое сильнейших и лучше вооруженных. Обе

стороны были войска необстреленные; поэтому преимущество численное было в 10 раз ощутительнее. Необстреленные войска не могут отступать, они бегут.

[13 ноября.] 12, 13 ноября. Вчера перешел к нам солдат иностранного легиона. Он говорил, что 25, т. е. 13 назначен штурм. Вот уже 12 часов и ничего нет. Говорят, что у неприятеля 80 орудий направлено на 4-й бастион. Что он намерен вдруг открыть амбразуры, сбить наши орудия и идти на штурм. Это хотя неясное, но всё-таки объяснение. Зачем же им было не воспользоваться 6 числа, когда все почти орудия на 4-м бастионе были сбиты. <...>

Симферополь.

23 ноября. [Эски-Орда.] 16 я выехал из Севастополя на позицию. В поездке этой я больше, чем прежде, убедился, что Россия или должна пасть или совершенно преобразоваться. Всё идет на выворот, неприятелю не мешают укреплять своего лагеря, тогда как это было бы чрезвычайно легко, сами же мы с меньшими силами, ни откуда не ожидая помощи, с генералами, как Горчаков, потерявшими и ум, и чувство, и энергию, не укрепляясь, стоим против неприятеля и ожидаем бурь и непогод, которые пошлет Николай Чудотворец, чтобы изгнать неприятеля. <...> Грустное положение – и войска, и государства. <...> У нас бессмысленные ученья о носках и хватках, бесполезное оружие, забитость, старость, необразование, дурное содержание и пища, убивают вним[ание], последнюю искру гордости и даже дают им слишком высокое понятие о враге.

26 ноября. <...> Вот почти верные известия из Севастополя. 13 числа была вылазка в неприятельские траншеи, против 3, 4 и 5 бастионов. Екатеринбург[ский] полк против 4-го бастиона занял траншеи врасплох, выгнал и перебил неприятеля и отступил с потерей трех – ранеными. <...>

Липранди назначен командующим войск в Севастополе. Слава Богу! Исключая успехов, которые он имел в этой кампании, он любим и популярен, и популярен, не е[.....] матерью, а распорядительностью и умом. <...>

7 декабря. <...> Из новостей о вылазках вот, что справедливо. Вылазок было много, не столько кровопролитных, сколько жестоких. Из них замечательны две. Одна, в конце прошлого месяца, в которой взято 3 мортиры (и одна брошена между бастионом и их работами) <...>.

[1855]. 29 марта. <...> Завтра еду в Севастополь квартирмейстером нашей батареи. Узнаю положительно, что значит постоянный огонь, к[оторый] слышен уж 3-й день оттуда, говорят о отбитом штурме на 5-м бастионе, на Чоргуне и о сильном бомбардировании.

[1 апреля. Севастополь] 30, 31 марта, 1 апреля. Бомбардирование и больше ничего. Вот уж 6-й день, а я в Севастополе 4-й. Насчет перехода моего не удалось, потому что, говорят, я только подпоручик. Досадно. Пороху нет!

2 апреля. Вчера пришла батарея. Я живу в Севастополе. Потерь у нас уже до 5 т[ысяч], но держимся мы не только хорошо, но так, что защита эта должна очевидно доказать неприятелю [невозможность] когда бы то ни было взять С[евастополь]. <...>

[7 апреля.] 3, 4, 5, 6, 7-е утром. – Все дни эти так занят был самыми событиями и отчасти службой, что ничего, исключая одной нескладной странички юности, не успел написать еще. Бомбардирование с 4-го числа стало легче, но все продолжается. 3-го дня ночевал на 4-м бастионе. Изредка стреляет какой-то пароход по городу. – Вчера ядро упало около мальчика и девочки, кот[орые] по улице играли в лошадки: они обнялись и упали вместе. Девочка – дочь матроски. Каждый день ходит на квартиру под ядра и бомбы. <...>

12 апреля. 4-ый б[астион]. Писал С[евастополь] д[нем] и ночью и кажется недурно и надеюсь кончить его завтра. Какой славный дух у матросов! Как много выше они наших солдат! Солдатики мои тоже милы и мне весело с ними. Вчера взорван еще горн 5-й, стрельба, как кажется, увеличилась с нашей стороны и уменьшилась с ихней.

13 апреля. Тот же 4-ый бастион, к[оторый] мне начинает очень нравиться, я пишу довольно много. <...> Постоянная прелесть опасности, наблюдения над солдатами, с к[оторыми] живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет. <...>

21 апреля. <...> 3-го дня у нас отбиты ложменты против 5 бастиона, отбиты со срамом. Дух упадает ежедневно и мысль о возможности взятия С[евастополя] начинает проявляться во многом.

31 мая. 26 взяты Селенгинской, Волынск[ий] и Камчатский редуты. Я был в Севастополе на другой день и убедился, что он не падет.

21 сентября. <...> Все силы моего характера на исправление. Главные пороки. 1) Безхарактерность – неисполнение предначертаний. Средство исправления 1) знать общую цель и 2) обдумывать и записывать будущие деяния и исполнять их, хотя бы они были дурны. Цель моя 1) добро ближнего и 2) образование себя в такой степени, чтобы я был способен делать его. <...> Моя главная цель в жизни есть добро ближнего, и цели условные – слава литературная, основанная на пользе, добре ближнему. 1) Богатство, основанное на трудах полезных для ближнего, оборотах, и игре, и направленное для добра. 2) Слава служебная, основанная на пользе отечества. <...>

*Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений.
Т. 47. Сер. 2. Дневники и записные книжки 1854-1857.
М., 1937. С. 27, 28, 30-34, 41-43, 61.*

**16. Из конвенции между Россией и Турцией
относительно содержимых в Черном море военных судов.
Париж, 18 (30) марта 1856 г.**

... Статья I. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются не иметь в Черном море иных военных судов, кроме тех, коих число, сила и размеры определены, как ниже следует.

Статья II. Высокие договаривающиеся стороны предоставляют себе содержать каждая по шести в означенном море паровых судов в 50 метров длины, до ватерлинии вместительностью не свыше 800 тонн и по четыре легких паровых или парусных судна, коих вместительность не должна превышать 200 тонн в каждом.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М., 1952. С. 38.

17. Из конвенции относительно проливов Дарданельского и Босфорского. Париж, 18 (30) марта 1856 г.

... Статья I. Его величество султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твердое намерение соблюдать на будущее время постановления, неизменно принимавшиеся, как древнее правило его империи, в силу коего всегда было воспрещено военным судам держав иностранных входить в проливы Дарданелл и Босфора, и что, доколе Порты будут находиться в мире, его величество не допустит никакого иностранного военного судна в означенные проливы.

А их величества император всероссийский, император австрийский, император французов, королева Соединенных Королевств Великобритании и Ирландии, король прусский и король сардинский, с другой стороны, обязуются уважать сие решение султана и сообразоваться с выше изъясненным правилом.

Статья II. Султан предоставляет себе, как и прежде, выдавать фирманы для прохода легких под военным флагом судов, которые будут употребляемы, по существующему обыкновению, при миссиях дружественных с Портой держав.

Статья III. То же самое изъятие допускается в отношении к легким под военным флагом судам, которые каждая из договаривающихся держав имеет право содержать при устьях Дуная, для обеспечения исполнения постановлений о свободе судоходства по сей реке, и коих число не должно превышать двух для каждой державы. <...>

Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М., 1952. С. 36.

18. Парижский мирный договор 18 (30) марта 1856 г. (извлечение)

... Статья I. Со дня размена ратификаций настоящего трактата, быть на вечные времена миру и дружеству между его величеством императором

всероссийским с одной, и его величеством императором французов, ее величеством королевою Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, его величеством королем сардинским и его императорским величеством султаном – с другой стороны, между их наследниками и преемниками, государствами и подданными.

Статья II. Вследствие счастливого восстановления мира между их величествами, земли, во время войны завоеванные и занятые их войсками, будут ими очищены.

О порядке выступления войск, которое должно быть учинено в скорейшее по возможности время, постановлены будут особые условия.

Статья III. Его величество император всероссийский обязуется возвратить его величеству султану город Карс с цитаделью оного, а равно и прочие части оттоманских владений, занимаемых российскими войсками.

Статья IV. Их величество император французов, королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, король сардинский и султан обязуются возвратить его величеству императору всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь, Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками. <...>

Статья VI. Военнопленные будут немедленно возвращены с той и другой стороны.

Статья VII. Его величество император всероссийский, его величество император австрийский, его величество император французов, ее величество королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, его величество король прусский и его величество король сардинский объявляют, что Блистательная Порта признается участвующею в выгодах общего права и союза держав европейских. Их величества обязуются, каждый со своей стороны, уважать независимость и целостность империи Оттоманской, обеспечивают совокупным своим ручательством точное соблюдение сего обязательства и вследствие того будут почитать всякое в нарушение оного действие вопросом касающимся общих нрав и пользы.

Статья VIII. Если между Блистательной Портой и одною, или несколькими из других заключивших сей трактат держав возникнет какое-либо несогласие, могущее угрожать сохранению дружественных между ними сношений, то и Блистательная Порта, и каждая из сих держав, не прибегая к употреблению силы, имеют доставить другим договаривающимся сторонам возможность предупредить всякое дальнейшее столкновение, чрез свое посредничество.

Статья IX. Его императорское величество султан в постоянном попечении о благе своих подданных, даровал фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданиям или племенам, и утверждаются великодушные намерения его касательно христианского народонаселения его империи, и желая дать новое доказательство своих в сем отношении чувств, решился сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению, фирман.

Договаривающиеся державы признают высокую важность сего сообщения, разумея при том, что оно ни в каком случае не даст сим державам права вмешиваться, совокупно или отдельно, в отношения его величества султана к его подданным и во внутреннее управление империи его. <...>

Статья XI. Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды одного формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежным так и всех прочих держав <...>.

Статья XIII. Вследствие объявления Черного моря нейтральным, <...> не может быть нужно содержание или учреждение военно-морских на берегах одного арсеналов, как не имеющих уже цели, а посему его величество император всероссийский и его императорское величество султан обязуется не заводить и не оставлять на сих берегах никакого военно-морского арсенала. <...>

Статья XXII. Княжества Валахское и Молдавское будут под верховной властью Порты и при ручательстве договаривающихся держав, пользоваться преимуществами и льготами, коими пользуются ныне. Ни которой из ручающихся держав не предоставляется исключительного над оными покровительства. Не допускается никакое особое право вмешательства во внутренние дела их. <...>

Статья XXVII. Если внутреннее спокойствие княжеств подвергнется опасности или будет нарушено, то Блистательная Порта войдет в соглашение с прочими договаривающимися державами о мерах, нужных для сохранения или восстановления законного порядка. Без предварительного соглашения между сими державами не может быть никакого вооруженного вмешательства.

Статья XXVIII. Княжество Сербское остается, как прежде, под верховной властью Блистательной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества одного при общем совокупном ручательстве договаривающихся держав.

Вследствие сего означенное княжество сохранит свое независимое и национальное управление и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства. <...>

Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М., 1952. С. 23–27, 30, 31.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Правление Николая I (1825–1855) называют эпохой «консервативной модернизации». Каковы основные черты этой политической системы?
2. Дайте характеристику деятельности Третьего Отделения собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов.
3. Какие дела подлежали ведению Третьего Отделения?
4. Проанализируйте выступление Николая I на заседании Государственного совета 30 марта 1842 года и ответьте на вопрос: почему император считал отмену крепостного права «совершенно преждевременным» актом и «священной обязанностью» называл охранение помещичьей собственности на землю?
5. Охарактеризуйте указ от 2 апреля 1842 г. о так называемых «обязанных крестьянах» и определите, насколько было выгодно помещичьим крестьянам становится «обязанными». Кто от данного указа больше всего выигрывал?
6. Подготовьте сообщение на тему: «Реформа управления государственными крестьянами, проведенная в 1837–1841 гг. под руководством П. Д. Киселева и ее итоги».
7. Назовите основные принципы теории официальной народности, изложенные 19 ноября 1833 г. в докладе министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I.
8. Дайте характеристику основным направлениям внешней политики России 1825-1855 гг.
9. Какое значение имело для России подписание Туркманчайского мирного договора с Ираном 10 (22) февраля 1828 г.? Что сказано в договоре о военных судах в Каспийском море?
10. Какие территориальные приобретения получила Россия по условиям Адрианопольского договора с Турцией, подписанного 2 (14) сентября 1829 г.?
11. Прокомментируйте содержание секретной статьи договора, заключенного 26 июня (8 июля) 1833 г. между Российской империей и Османской Портой в Ункяр-Искелесси.
12. Расскажите о дипломатической и военной подготовке России к Крымской войне 1853-1856 гг.
13. Подготовьте сообщение на тему: «Оборона Севастополя».
14. Назовите причины поражения России в Крымской войне.
15. Какое условие Парижского мирного договора (18 марта 1856 г.) было наиболее тяжёлым для России?
16. Почему Российская империя потеряла статус великой державы после Крымской войны?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айрапетов, О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801– 1914 [Текст]: в 4 томах / О. Р. Айрапетов. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. 2: Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. – 620 с. – ISBN 978-5-9950-0849-1.
2. Боханов, А. Н. Николай I [Текст]: хранитель русских устоев / А. Н. Боханов. – М.: Вече, 2013. – 348 с. – ISBN 978-5-4444-0595-6.
3. Выскочков, Л. В. Николай I и его эпоха [Текст]: очерки истории России второй четверти XIX века / Л. В. Выскочков. – М.: Академический проект, 2018. – 999 с. – ISBN 978-5-8291-1863-1.
4. Гребенщикова, Г. А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. Геополитика и стратегия [Текст] / Г. А. Гребенщикова. – СПб.: Издатель М. А. Леонов, 2003. – 80 с. – ISBN 5-902236-6.
5. Киняпина, Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. [Текст] / Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 328 с.
6. Киняпина, Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности. (20-50-е гг. XIX в.) [Текст] / Н. С. Киняпина – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 453 с.
7. Кисин, С. В. Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия 1825–1855 гг. [Текст] / С. В. Кисин. – М.: Центрполиграф, 2020. – 318 с. – ISBN 978-5-227-08953-3.
8. Олейников, Д. И. Николай I [Текст] / Д. И. Олейников. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 336 с. – ISBN 978-5-235-03537-9.
9. Тарле, Е. В. Крымская война [Текст]: [в 2 т.] / Е. В. Тарле. – СПб.: Наука, 2011. – Т. 1. – 461 с. – ISBN 978-5-02-026321-5; Т. 2. – 507 с. – ISBN 978-5-02-026324-6.
10. Троцкий, И. М. III-е Отделение при Николае I [Текст] / И. М. Троцкий; [Вступ. ст. Я. Гордина]. – Л.: Лениздат, 1990. – 317 с. – ISBN 5-289-01030-0.
11. Уваров, С. С. Государственные основы [Текст] / С. С. Уваров; [сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой]. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. – 600 с. – ISBN 978-5-4261-0077-0.
12. Фирсов, С. Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории [Текст] / С. Л. Фирсов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 2021. – 463 с. – ISBN 978-5-906627-88-9.

ТЕМА II. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Зарождение предпосылок общественного движения в России относят к концу XVIII в., но уже с начала XIX в. начали формироваться три основных общественно-политических направления: консервативное, либеральное и революционное. Как отмечал В. Я. Гросул, «общественное движение применительно к российским условиям – это прежде всего активная и организованная деятельность общественных сил, т. е. представителей общества, направленная к определенной цели»¹⁵.

Истоки российского **консерватизма** прослеживаются в 80–90-е гг. XVIII в. (М. М. Щербатов, Н. Н. Болтин, митрополит Московский Платон (Левшин)), но заметным это направление становится уже в начале XIX в., как реакция на указ о «вольных хлебопашцах» и другие либеральные реформы Александра I. Опорой консерваторов являлось помещичье дворянство, выступавшее против конституции и отмены крепостного права. Идеологами политического консерватизма были А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, Н. М. Карамзин и другие, являющиеся сторонниками эволюционного пути развития страны. Торжество политического консерватизма приходится на годы правления Николая I, когда консерваторы поддерживали идеологическую доктрину самодержавия, известную как теория официальной народности. Принципы ее были сформулированы в 1833 г. министром просвещения С. С. Уваровым (см. подробнее тема 1, **док. № 2**) в виде триады – «православие, самодержавие, народность». Самодержавие и крепостное право объявлялись «священными и неприкосновенными», патриархальная, «спокойная» Россия противопоставлялась «мятежной» Европе. В этом духе предписывалось вести преподавание от университета до церковно-приходской школы, писать литературные и исторические произведения. Теория официальной народности преподавалась студентам Московского университета и обосновывалась в научных трудах профессоров С. П. Шевырева и М. П. Погодина, излагалась на страницах журналов публицистами Ф. В. Булгариным, Н. И. Гречем, О. И. Сенковским, находила отражение в литературных сочинениях Н. В. Кукольника и М. П. Загоскина. Так, историк М. П. Погодин руководствовался установкой, что «российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия»¹⁶.

Вопрос о возникновении **либерализма** в России вызывает оживленные дискуссии у историков¹⁷. Одни исследователи относят начало русского политического либерализма к середине XVIII столетия, а другие на целый век позже – к середине XIX в.¹⁸ Но, пожалуй, историки единодушны в одном: важнейшим этапом в становлении русской либеральной традиции стали

¹⁵ Гросул В. Я. Общественное движение в России в первой половине XIX в. М., 2017. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 517.

¹⁷ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1814. М., 1995. С. 25–49.

¹⁸ Гросул В. Я. Общественное движение в России... С. 212.

30-40-е гг. XIX в. Отчасти это было связано с именем П. Я. Чаадаева (1794–1856), чьи взгляды «вызвали своего рода общественный шок», который ускорил обособление главных течений русской общественной мысли. П. Я. Чаадаев написал восемь «Философических писем» (1828–1830) на французском языке, которые были адресованы Е. Д. Пановой (док. № 22). Первое письмо было опубликовано в 1836 г. в журнале «Телескоп». Мировоззренческий спор о судьбе России и ее месте в мире, возникший вокруг первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева, не прекратился до настоящего времени¹⁹. Оценка наследия П. Я. Чаадаева не однозначна, но, безусловно, он ближе всего к либеральному направлению.

Друг А. С. Пушкина и декабристов, боевой офицер, участник Отечественной войны 1812 г. (ушедший в 1821 г. в отставку в возрасте 27 лет), П. Я. Чаадаев отправился в путешествие по Европе (1823–1826), где познакомился с немецким философом Ф. В. Шеллингом и стал его последователем. По возвращении на родину он предался пессимистическим размышлениям о предназначении России. П. Я. Чаадаев был разочарован прошлым своей родины и не верил в ее будущее, считая, что «мы живем среди мертвого застоя» и «воспринимаем всегда лишь готовые идеи» и «ничего не дали миру, ничего у мира не взяли». По мнению П. Я. Чаадаева, выбор православного вероисповедания повлиял на формирование российской государственности, поскольку мы «восприняли» веру не от католического Рима, а от Византии, которая находилась в состоянии упадка. П. Я. Чаадаев, принявший католическую веру, видел в ней источник прогресса и цивилизации, а отрыв от католического мира считал основной бедой российской истории. «Философические письма» П. Я. Чаадаева вызвали негодование как у властей, так и у «либералистов» и приверженцев теории официальной народности²⁰. Журнал «Телескоп» был закрыт, редактор Н. И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск, а П. Я. Чаадаев «по высочайшему повелению» был объявлен сумасшедшим и за ним установили полицейский надзор. Однако поставленные П. Я. Чаадаевым проблемы «Россия и Запад», «русский путь и западные образцы» оказали воздействие на зарождение двух общественных течений – славянофилов и западников.

Началом зарождения *славянофильства* как направления в русской общественной мысли принято считать 1839 г., когда в московских литературных салонах стали распространяться две статьи (не предназначенные для печати): первая – «О старом и новом» А. С. Хомякова (1804–1860); вторая – «В ответ Хомякову» И. В. Киреевского (1806–1856). В этих статьях авторами были заложены основные идеи славянофилов (док. № 23, 24). К ним присоединились П. В. Киреевский, братья К. С. и И. С. Аксаковы, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, Ф. В. Чижов.

¹⁹ Добровольский В. Ю. П. Я. Чаадаев и его взгляды на судьбы России: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2007. С. 3.

²⁰ Андреева Т. В. Тайные общества России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 871.

Термин «славянофилы» был дан идейными противниками, сами же они называли себя «руссолобами» или «руссофилами», подчеркивая тем самым, что их интересовала судьба России и русского народа. Не любили они также, когда их называли либералами, считая, что «нет русского либерального направления, а может быть только истинное и ложное, здоровое и вредное направление, русское и антирусское»²¹.

В основу своей концепции славянофилы положили идею о самобытном историческом пути развития России. Опираясь на концепцию немецкого философа Ф. В. Шеллинга о том, что каждому «историческому» народу присущи свои особенности, которые он должен развивать, чтобы выполнить свою миссию в мире, славянофилы пришли к выводу, что Россия и Запад – два особых мира, имеющие различные закономерности развития. При этом исторический путь России и ее место в мире определили два фактора: община (которая трактовалась славянофилами весьма неопределенно), с традициями общинного землепользования и мирского самоуправления, а также православная вера как «истинный вид христианства». По убеждению К. С. Аксакова, «Русская земля есть изначала наиболее семейная и наиболее общественная... земля» и ее развитие шло по пути нравственного совершенствования, в то время как на Западе – по пути развития формальной законности (**док. № 25**).

Славянофилы были противниками революции и выдвинули формулу «царю – власть, народу – мнение», исходя из которой они выступали за созыв Земского собора, отмену крепостного права, однако, против конституции по западному образцу. По мнению славянофилов, русскому народу нужна свобода слова и печати, возможность свободно выражать свои мысли, ибо «из цепей рабства куются бунты».

По мнению славянофилов, реформы Петра I внесли в русскую жизнь чуждые ей европейские элементы и породили раскол в обществе, противопоставив дворянские верхи русскому народу в целом. Они ратовали за возвращение на путь «самобытного» и самостоятельного развития России.

Идейные противники славянофилов – **западники**. Как течение общественной мысли сложилось позднее, носило либеральный характер и концептуально было развито в трудах историков Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, писателей и публицистов В. П. Боткина, В. Ф. Корша, П. В. Анненкова, И. И. Панаева (**док. № 26, 27**). Западники положительно оценивали реформы Петра I и считали, что Россия должна развиваться по тому же пути, что и Западная Европа, их идеалом было парламентское устройство европейских государств – Британии и Франции. Западники были противниками революционных потрясений и выступали за реформы сверху, в том числе за освобождение крестьян с землей за выкуп.

В целом, споры славянофилов и западников имели большое общественное значение и знаменовали собой формирование либеральной традиции в России.

²¹ Гросул В. Я. Общественное движение в России... С. 338.

Революционное движение как направление русского общественного движения изначально возникло в форме декабризма в условиях, когда стало очевидно, что Александр I не пойдет на радикальные реформы, не дарует конституцию и не отменит крепостное право. Основными участниками общественного движения были лучшие представители дворянства, которые предприняли попытку переустройства страны, осознавая, что сохранение крепостничества и самодержавия губительно для дальнейшей судьбы России. Декабристы избрали путь создания тайных организаций, действовавших в условиях строгой конспирации. Первое тайное общество «Союз спасения» возникло в Санкт-Петербурге в феврале 1816 г, основателями которого являлись А. Н. Муравьев, С. П. Трубецкой, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин. В феврале 1817 г. был принят статут (устав общества) и оно получило название «Общество истинных и верных сынов Отечества». В нем состояло около 30 офицеров гвардейских полков и Генерального штаба. Главной целью для общества стало принятие в России конституции и ликвидация крепостного права. В январе 1818 г. на базе общества возникла более широкая по составу тайная организация – «Союз благоденствия» (до 200 человек), цель которой, изложенная в уставе («Зеленой книге»), состояла в воспитании общественного мнения, способного принять преобразования в обществе. Члены «Союза...» должны были вскрывать факты жестокого обращения с крепостными, искоренять из армейской жизни произвол и рукоприкладство в отношении солдат, а также открывать в своих имениях школы для крестьян. В январе 1821 г на съезде «Союза благоденствия» в Москве было принято решение о самороспуске с целью создания новых организаций, способных к более решительным действиям.

В 1821–1822 гг. возникло два новых общества – Северное в Санкт-Петербурге и Южное на Украине (в Тульчине, Каменке и Василькове), среди расквартированных армейских частей. Оба общества поддерживали связь между собой и стремились к объединению.

Во главе *«Северного общества»* стояла Дума из трех человек – Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого и Е. П. Оболенского. В 1823 г. в члены общества были приняты К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский и др. Программным документом общества стала «Конституция», разработанная Н. М. Муравьевым. Проект государственного устройства Н. М. Муравьева (сохранилось 3-й редакции) предусматривал установление в России конституционной монархии; федеративное устройство страны (14 держав и 2 области), деление каждой державы на уезды и волости, столицей федерации должен был стать Нижний Новгород, переименованный в Славянск; законодательная власть переходила к двухпалатному парламенту – Народному вече (Верховной думы и Палаты выборных), избираемому гражданами, достигшими 21 года, на основе имущественного ценза; исполнительная власть сосредотачивалась в руках императора; высшая судебная власть перешла к Верховному судилищу, вводился суд присяжных, адвокатура, состязательность сторон, устанавливался принцип выборности и несменяемости судей, декларировалась ликвидация крепостного права и предоставление крестьянам усадьбы и по 2-е десятины

пахотной земли на двор, отмена военных поселений, рекрутской повинности, переход к всеобщей воинской повинности; провозглашение гражданских свобод (слова, печати, собраний, вероисповедания и др.). Н. М. Муравьев предполагал внести свой проект на рассмотрение Учредительного собрания. Ниже публикуются извлечения из первой редакции «Конституции» Н. М. Муравьева, текст которой был обнаружен в бумагах князя С. П. Трубецкого после его ареста (док. № 19).

«Южное общество» возглавлялось Директорией, в которую были избраны П. И. Пестель, А. П. Юшневский, С. И. Муравьев-Апостол. Политической программой общества стала написанная П. И. Пестелем «Русская правда» (док. № 20). Согласно этому проекту, Россия провозглашалась единой и неделимой республикой с однопалатным парламентом – Народным вечем (из 500 человек), избираемым на 5 лет всеобщим голосованием мужчин, достигших 18 лет. Исполнительная власть передавалась Державной думе (из 5 человек). За законностью действий веча и думы осуществлял контроль Верховный собор, члены которого избирались пожизненно из наиболее уважаемых граждан. Крепостное право отменялось, и крестьяне наделялись землей. Земельный фонд страны разделялся на две части, одна из которых безвозмездно передавалась освобожденным крестьянам, другая часть оставалась в частной собственности помещиков и других лиц. «Русская правда» ликвидировала сословия, которые сливались в единое «гражданское сословие». Провозглашались свобода вероисповедания, слова, печати, равенство всех перед законом. В сентябре 1825 г. в состав «Южного общества» вошло «Общество соединенных славян», основанное в конце 1823 г. юнкерами братьями А. и П. Борисовыми. Главной целью общества было объединение славянских народов в единую демократическую республиканскую федерацию. Границы федерации должны были «омывать» четыре моря – Белое, Балтийское, Черное и Адриатическое. В федерации отменялось крепостное право.

Тактические принципы Северного и Южного обществ были едины. Весной 1824 г. во время приезда в Санкт-Петербург П. И. Пестеля велись переговоры об объединении обществ и координации действий в предстоящем вооруженном восстании, которое намечалось в столице «яко средоточии всех властей и правлений» на лето 1826 г. Неожиданная смерть 19 ноября 1825 г. (в возрасте 47 лет) Александра I в Таганроге и последовавшие события ускорили выступление тайных обществ. Александр I не имел детей и наследовать престол должен был Константин, второй сын Павла I. Однако в 1820 г. великий князь Константин заключил морганатический брак с польской графиней Ж. А. Грудзинской (после брака княгиня Лович) и в 1823 г. добровольно отрекся от престолонаследия. Отречение последнего и назначение нового наследника – следующего по старшинству брата Николая – оставалось тайной и не было обнародовано. Поэтому по получении известия о смерти Александра I в столице 27 ноября присягу новому императору Константину стали принимать войска, чиновники и великий князь Николай. Наместник царства Польского Константин оставался в Варшаве и не желал приезжать в Санкт-Петербург, чтобы подписать официальное отречение. Междоусобица

продолжалось до 13 декабря, когда Николай манифестом объявил об отречении брата и своем вступлении на престол. В этот же день ему присягнули Государственный совет и Сенат.

Новая присяга («переприсяга») войск была назначена на 14 декабря и члены «Северного общества» решили ее использовать, как благоприятную возможность для вооруженного выступления. Командующим вооруженными войсками («диктатором») был избран участник Отечественной войны 1812 г., полковник С. П. Трубецкой. Члены «Северного общества» решили вывести войска на Сенатскую площадь с целью помешать присяге в полках и принудить сенаторов обнародовать от имени Сената манифест «К русскому народу», составленный С. П. Трубецким (док. № 21). В документе объявлялось об «уничтожении бывшего правления» (самодержавия) и отмене крепостного права, подушной подати, ликвидации рекрутчины, военных поселений, введении всеобщей воинской повинности и сокращении солдатской службы с 25 до 15 лет, установлении гражданских свобод. В марте 1826 г. предполагался созыв Собрания народных представителей или Великого собора, которому предстояло решить вопрос о форме правления в России. Одновременно, по плану, захватывалась Петропавловская крепость, Зимний дворец, арестовывалась царская семья. На переходный период власть в стране передавалась Временному революционному правлению.

14 декабря на Сенатскую площадь заговорщики вывели Московский полк, а затем лейб-гвардии Гренадерский полк и гвардейский (флотский) экипаж – всего более 3 тысяч солдат, матросов и 30 офицеров. Верные правительственные войска оцепили их, имея четырехкратное превосходство в численности. «Диктатор» С. П. Трубецкой, усомнившись в успехе вооруженного выступления, не явился на площадь. Проявленное малодушие руководителем восстания, безусловно, сыграло роковую роль, парализовав активность заговорщиков. Восставшие придерживались оборонительной тактики. Вначале власти решили воздействовать на «бунтовщиков» уговорами. Убедить вышедших на площадь солдат подчиниться монарху попытался петербургский генерал-губернатор, герой Отечественной войны 1812 г. М. А. Милорадович, но был смертельно ранен П. Г. Каховским. Не возымел действия и призыв к смирению петербургского митрополита Серафима. Между тем на площади и ближайших улицах собралось много народа (дворовые, мелкие чиновники, ремесленники, городская беднота), выразившего сочувствие восставшим. Боясь, чтобы с наступлением темноты «волнение не передалось черни», Николай I отдал приказ применять артиллерию. Под сильным картечным огнем ряды восставших дрогнули, одни пали на месте, другие были ранены, остальные обратились в бегство. К 6 часам вечера восстание было подавлено.

29 декабря 1825 г. на Украине произошло выступление Черниговского полка, которое организовали члены «Южного общества» С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин. Был захвачен город Васильков и предприняты попытки соединиться с другими «сочувствующими» воинскими

частями. Однако черниговцы были атакованы карательным отрядом и разгромлены.

Власти жестоко расправились с восставшими. Полгода работала главная Следственная комиссия «по делу декабристов». Виновными были признаны 289 человек. Пятеро из них – П. И. Пестель, М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол, П. Х. Каховский и К. Ф. Рылеев были приговорены к «четвертованию», замененному повешением. Остальных офицеров приговорили к бессрочной каторге, ссылке в Сибирь и на Кавказ. Участвовавших в восстании солдат прогнали сквозь строй.

Восстание декабристов показало наличие противоречий внутри правящего дворянского сословия, часть которого требовала проведения преобразований и выступала против самодержавной власти и крепостничества.

Пришедшее на смену новое поколение революционеров поставило задачу борьбы с самодержавными порядками и разработало концепцию русского социализма – социализма крестьянского, общинного. К **социализму** пришли В. Г. Белинский, А. И. Герцен, петрашевцы и другие русские общественные деятели.

В конце 20-х гг. XIX в. центр общественного движения переместился в студенческие кружки и на первых порах ограничился философскими исканиями. Оплотом вольнодумства становится Московский университет, в который в 1829 г. поступили два студента – В. Г. Белинский (1811–1848) и А. И. Герцен (1812–1870). В 1830 г. В. Г. Белинский возглавил кружок студенческой разночинной молодежи «Литературное общество 11-го номера» (по номеру комнаты в общежитии университета, где собирались члены общества). Кружок объединял любителей «изящной словесности», горячо споривших о новинках литературы. Интерес у членов кружка вызвало сочинение В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин», наполненное резким протестом против крепостного права. Встревоженные профессора-цензоры в сентябре 1832 г. исключили «крамольного студента» под предлогом «слабого здоровья и по ограниченности способностей». Затем В. Г. Белинский вошел в кружок молодого философа и поэта Н. В. Станкевича (1831–1837), активным участником которого в 1836 г. стал М. А. Бакунин, будущий лидер европейского анархизма. В эти годы В. Г. Белинский становится либералом-западником. В письме В. П. Боткину (с которым его связывали отношения «открытости, доверия и взаимопонимания») 11-12 декабря 1840 г. он писал: «Отныне – для меня либерал и человек – одно и то же ...» (**док. № 26**).

На 1840-е гг. приходится деятельность В. Г. Белинского как публициста и литературного критика на страницах журналов «Отечественные записки» и «Современник». Статьи В. Г. Белинского переходили из рук в руки и «поглощались» студентами «с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами...» (**док. № 32**). «Вопросом вопросов» была для него идея социалистического общества, «где не будет ни богатых, ни бедных, ни царей, ни подданных, и где будут братья, и вообще просто люди»²². В. Г. Белинский

²² Гросул В. Я. Общественное движение в России... С. 713.

формируется, как убежденный социалист, для которого идея социализма стала «альфой и омегой веры и знания, <...> все из нея, все для нея к ней»²³.

Летом 1847 г. В. Г. Белинский, находясь в Зальцбрунне (в прусской Силезии) на курсе лечения от чахотки, прочитал только что вышедший из печати публицистический сборник любимого им «со всей страстью» писателя Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга вызвала у В. Г. Белинского резкий протест, и 15 июля 1847 г. он написал знаменитое письмо, в котором подверг критике уход писателя в православие и его призыв бороться с недостатками общественного устройства только путем исправления человека на основе заповедей Христа. «Рассерженный» критик заявлял: Россия «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания; <...> где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». (док. № 28). В. Г. Белинский сформулировал революционно-демократическую программу-минимум, предполагавшую уничтожение крепостного права, отмену телесных наказаний и строгого выполнения «хотя бы тех законов, которые уже есть». Заграничное лечение не помогло, и 26 мая (7 июня) В. Г. Белинский умер в Санкт-Петербурге.

Возвращаясь к деятельности обществ в Московском университете, следует сказать о кружке А. И. Герцена и Н. П. Огарева, возникшем в 1830 г. Члены кружка, увлеченные классической немецкой философией И. Канта, И. Фихте, Г. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, а также идеями европейских утопистов-социалистов Ш. Фурье, Р. Оуэна, А. Сен-Симона, «проповедовали» необходимость социальных преобразований и «ненависть ко всякому насилию, ко всякому произволу» (док. № 31). Однако вскоре после окончания университета (1833) А. И. Герцен и Н. П. Огарев были арестованы по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» (июль 1834 г.) и как «смелые вольнодумцы, весьма опасные для общества» отправлены в ссылку (до 1839 г.): А. И. Герцен был сослан в Пермь, а затем в Вятку, а Н. П. Огарев – в Пензенскую губернию.

По возвращении из ссылки А. И. Герцен написал философские работы «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» (1842–1846), внесшие заметный вклад в развитие материалистической философии. Литературные сочинения А. И. Герцена: роман «Кто виноват?» (1846–1847), повести «Доктор Крупов» (1847) и «Сорока-воровка» (1848) – обличали крепостное право как основное зло русской действительности и отвергали «повальное безумие» социального строя, основанного на неравенстве людей.

Важную роль в распространении социалистических идей сыграли кружки (Н. С. Кашкина, С. Ф. Дурова, Н. А. Момбелли и др.), получившие название *петрашевцев*, по имени основателя одного из них М. В. Буташевича-

²³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 12. Письма. 1841–1848 / [подгот. текста и примеч. К. П. Богаевской; ред. Ю. Г. Оксман]. М., 1956. С. 66.

Петрашевского. Выпускник Царскосельского лицея (1839), вольнослушатель юридического факультета Санкт-Петербургского университета М. В. Буташевич-Петрашевский в 1841 г. защитил диссертацию по праву и поступил на службу в Министерство иностранных дел переводчиком, продолжая заниматься самообразованием и литературной деятельностью²⁴. В 1844 г. на его петербургской квартире по пятницам начали собираться учителя, литераторы, мелкие чиновники, студенты старших курсов, учащиеся военных училищ; с осени 1845 г. эти собрания приняли регулярный характер. При этом кружок не был оформлен организационно и носил просветительский характер (**док. № 30**). Члены кружка обсуждали новинки научной и художественной литературы. На каждом собрании избирался председатель и заслушивались доклады «о системе Ш. Фурье», реформе судопроизводства, крестьянском вопросе в России и др. Так, в 1848 г. М. В. Буташевич-Петрашевский представил проект освобождения крестьян с землей, без вознаграждения помещика (**док. № 29**). Состав участников собраний постоянно пополнялся новыми людьми. На «пятницы» приходили начинающие писатели М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский, поэты А. Н. Плещеев и А. И. Майков, ученый-географ П. П. Семенов (Тян-Шанский), композиторы М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейн.

В 1847 г. активными участниками «пятниц» стали приверженцы радикальных взглядов (во главе с Н. А. Спешневым), призывавшие «произвести бунт внутри России». Осенью 1848 г. М. В. Буташевич-Петрашевский и Н. А. Спешнев попытались разработать план организации крестьянского восстания в Сибири, откуда оно должно было перекинуться в регионы Европейской России. Обсуждался также вопрос о создании тайного общества и его программа. Был приобретен печатный станок для типографии и составлена прокламация «Солдатская беседа». Однако завершить создание тайного общества не успели, так как по доносу секретного агента, засланного к петрашевцам жандармерией, начались аресты. В ночь на 23 апреля 1849 г. 39 петрашевцев подверглись заключению в Петропавловскую крепость. Следственная комиссия обнаружила лишь «заговор идей», который «развратил умы, но еще не перешел в активное действие» (**док. № 30**), но это не помешало генерал-аудиториату (высшей судебной инстанции) приговорить 21 участника кружка к смертной казни, в числе которых оказался Ф. М. Достоевский, в то время начинающий писатель, виновный лишь в том, что читал и распространял письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю. Николай I заменил смертную казнь одним – пожизненной каторгой, другим – арестантскими ротами, третьим – ссылкой на поселение, и в «наказание подсудимым» приказал провести инсценировку смертной казни. 22 декабря 1849 г. осужденных вывели на Семеновскую площадь Санкт-Петербурга, они увидели перед собой высокий эшафот, на их головы набросили белые колпаки, прочли конфирмацию о смертном приговоре, солдаты по команде взяли их под прицел, когда прибыл флигель-адъютант с приказом императора заменить расстрел каторгой.

²⁴ Гросул В. Я. Общественное движение в России... С. 722.

Впоследствии Ф. М. Достоевский вспоминал: «Приговор смертной казни расстреляньем, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти»²⁵. Кружки петрашевцев оставили заметный след в общественном движении России и формировании революционеров-разночинцев.

В 40-е гг. XIX в. в Европе обосновались деятели русского общественного движения, которые перешли на положение политических эмигрантов. Первым русским эмигрантом, активно участвовавшим в международном революционном движении, был М. А. Бакунин (1814–1876). В июле 1843 г. в трех номерах газеты «Швейцарский республиканец» вышла его статья под названием «Коммунизм». М. А. Бакунин считал, что славяне призваны обновить гниющий западный мир в процессе европейской революции. В 1844 г. правительствующий сенат рассмотрел дело Бакунина и признал его виновным «в преступных за границей сношениях с обществом злонамеренных людей и в ослушании вызову правительства и высочайшей воле к возвращению в Россию»²⁶. В 1847 г. за границу с семьей выехал А. И. Герцен, жил во Франции, Италии, Швейцарии. 18 декабря 1850 г., в связи с отказом А. И. Герцена вернуться на родину, российские власти признали его «за вечного изгнанника из пределов Российского государства». В марте 1851 г. А. И. Герцен получил швейцарское гражданство.

Поражение революций 1848–1849 гг. во Франции, Италии, Германии, Венгрии породило у А. И. Герцена неверие в возможности революционного движения в Европе. Он расценивал произошедшее как неудавшуюся битву за социализм. У А. И. Герцена сложилось убеждение, что Россия пойдет к социализму своим путем, и главными условиями построения социализма в стране станут крестьянское общинное землевладение, крестьянская идея «права на землю» и уравнительного раздела земли, мирское самоуправление. Так возникла теория русского (общинного) социализма, основные положения которой А. И. Герцен изложил в своих работах «Русский народ и социализм» (1851), «О развитии революционных идей в России» (1850) и др. А. И. Герцен исходил из того, что Россия придет к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм, и избежит «смертельные болезни» буржуазного Запада. Впоследствии теория русского социализма станет теоретической базой народничества.

В августе 1852 г. А. И. Герцен переехал в Лондон, где основал «Вольную русскую типографию» и начал выпускать листовки и статьи революционной направленности. Первая прокламация была отпечатана в июне 1853 г. под названием «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» (**док. № 33**). Лейтмотив листовки заключался в следующем: дворяне никогда не будут

²⁵ Дневник писателя. 1873 // Достоевский Ф. М. Собр. соч в 15-ти томах. Л., 1994. Т. 12. С. 158.

²⁶ Гросул В. Я. Общественное движение в России... С. 742.

свободными, пока в стране существует крепостное право. В дальнейшем А. И. Герцен совместно с Н. П. Огаревым издавал альманах «Полярная звезда» и газету «Колокол».

В целом, общественно-политическое движение в первой половине XIX в. оставило заметный след в истории России и послужило «жизненным уроком, накоплением необходимого социально-политического опыта, который будет использован последующими поколениями представителей российского общества»²⁷.

Декабризм как общественная мысль и политическое действие

19. Из проекта Конституции Н. М. Муравьева (Текст, найденный в бумагах С. П. Трубецкого)

Введение.

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ, что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства произвол одного человека, невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне законов, вне человечества! Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других; и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы – тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным; или они несправедливы – тогда зачем хотят они подчинять им других. Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русской заслуживает и то и другое.

Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостью, но обыкновенно страдают от внутреннего угнетения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско, препятствуют одним быть свободным; те, которые не имеют сих неудобств, страдают от своего бессилия. Федеральное или Союзное Правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан.

Под надзором Государя одно законодательное собрание находится в столице, и делает все распоряжения общие, для всего государства; частные распоряжения, касающиеся до областей, предоставлены областным

²⁷ Гросул В. Я. Общественное движение в России... С. 812.

законодательным собраниям, образованным на подобие столичного и таким образом доставляется благосостояние целого и частей.

Глава I. О народе русском и правлении

1. Русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления, для самого себя.

3. Правление России есть уставное и союзное.

Глава II. О гражданах

4. Гражданство есть право участвовать в общественном управлении, определенным в сем уставе порядком, посредственно, т. е. выбирать чиновников, или их избирателей, или непосредственно, т. е. быть избранным в какое либо общественное звание, по законодательной, исполнительной или судебной части. <...>

6. Чтоб быть гражданином, необходимы следующие условия: 1-е. Лета – не менее 21-го года возраста. 2-е. Местопребывание – известное и постоянное жительство. 3-е. Здравие ума. 4-е. Личная и по имению независимость. 5-е. Исправность платежа общественных повинностей. 6-е. Непорочность пред лицом закона. <...>

Гл[ава] III. О состоянии, личных правах и обязанностях русских.

13. Все русские равны перед лицом закона.

14. Русскими признаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, если они объявили желание остаться в России.

15. Каждый русской обязан носить общественные повинности: повиноваться законам и властям Отечества, быть всегда готовым к защите родины, и должен явиться к знаменам, когда востребует того закон.

16. Крепостное состояние и рабство отменяются. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику оно – изображение гордости и высокомерия и противно христианской вере, по которой все люди братья, все рождены во благо, ибо рождены по воле Божией – все рождены для блага и все просто люди, ибо все пред Ним слабы.

17. Всякой имеет право излагать невозбранно свои мысли и чувства, и сообщать их посредством печати своим соотечественникам. Вредные книги, подобно другим преступлениям, преследуются судом и подлежат присяжным.

18. Всякой имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею и так далее.

19. Всякой русской вправе ехать, оставаться, словом делать все, что не ограничено и не воспрещается законом, и частными постановлениями, лишь бы он не вредил другому и не касался чужой собственности. <...>

21. В судах безопасность, жизнь и собственность обеспечиваются присяжными. <...>

24. Право собственности, заключающее в себе одне вещи, священно и неприкосновенно. Церковные земли остаются навсегда за ними.

25. Земли помещиков остаются за ними. Особый закон определит вознаграждение, которое обязаны им сделать поселяне, которые вздумают оставить свое селение, и переселиться в другое место – за временное прерывание в порядке получения доходов, с возделываемой сими поселянами земли. <...>

30. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками их вступают в звание общих владельцев. <...>

32. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев, и ничем не отличающиеся между собою, отменяются сходственно с древними постановлениями народа русского. Названия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием гражданина или русского. <...>

Глава IV. О России.

В законодательном и исполнительном отношении вся Россия разделяется на 14 держав и 2 области <...>.

Все население России полагается в 22 630 000 жителей мужского пола, и посему предположению разočтено и представительство оной. <...>

Державы делятся на уезды, уезды на волости от 500 до 1 500 жителей муж[ского] пола.

В судебном отношении державы делятся на области, равные пространством нынешним губерниям. <...>

Глава VI. О внутренних властях или о правительствах держав.

53. Правительство каждой державы состоит из трех отделенных, независимых друг от друга властей, но содействующих к одной и той же цели, а именно законодательной, исполнительной и судебной.

Глава VII. О законодательной власти держав.

54. Законодательная власть каждой державы поручается Законодательному собранию, состоящему из: [1-е] Палаты выборных, 2-е – из Думы. Законодательное собрание созывается в столичном городе каждой державы. <...>

Глава X. О народном вече.

92. Народное вече, состоящее из верховной Думы и Пал[аты] предст[авителей] народных, облечено всею законодательною властью.

Публ. по изданию: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. / Отв. ред. С. С. Дмитриев. М., 1985. С. 253–257, 260, 267.

20. Пестель П. И. «Русская правда или заповедная государственная грамота великаго народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственнаго устройства России и содержащая верный наказ как для народа так и для временнаго верховнаго правления» (извлечения)

[2-я редакция]

Введение. Основные понятия

<...> § 12. Определение: цель и действие Русской Правды.

Русская Правда есть по сему верховная всероссийская грамота определяющая все перемены в государстве последовать имеющие, все предметы и статьи уничтожению и низпровержению подлежащие и наконец коренныя правила и начальныя основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении новаго государственнаго порядка и составлении новаго государственнаго уложения. <...> Русская правда есть наказ или наставление Временному Верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может. <...>

Глава I. О земельном пространстве государства

§ 4. Россия есть государство единое и неразделимое. <...> Неразделимыми называются те в коих все части или области государство составляющия, одну общую верховную власть, один образ правления и одни законы имеют и признают и в коих ни одна область не имеет права частно для себя издавать законы и постановления. <...>

§6. Выбор и назначение столицы.

Округ, в котором находится столица не должен входить в состав которой либо из областей для того, что в столице пребывает верховное правление со всеми главными государственными начальствами, и что по сей причине присоединение столицы к которой либо из областей дает той области слишком большое против прочих значение, а может быть даже и на дела влияние. Посему и должна столица составлять особый округ под названием столичного удела.

Столичным уделом назначается Нижегородская губерния. <...>

Столицею Российскаго государства выбран Нижний Новгород потому:

1) Что сей город в середине России расположен. 2) Что стоя на Волге и Оке он всех прочих удобнее для внутренней торговли и для привоза всяких припасов в столь большом количестве для столицы необходимых. 3) Что Макарьевская ярмонка соединяет Европу с Азиею в сухопутных торговых отношениях. 4) Что освобождение России от ига иноплеменнаго чрез Минина и Пожарскаго из сего города изошло, и 5) Что все воспоминания о древности нижегородской дышут свободою и прямою любовью к Отечеству а не к тиранам его.

Временное Верховное правление обязывается принять все меры и распорядить все нужныя издержки для основания столицы в Нижнем

Новогороде. До того же времени оставаться оной в Петербурге или Москве. <...>

Глава II. О племенах Россию населяющих

§1. Разделение племен Россию населяющих на три главные разряда. Общая масса всех российских обитателей может на три главные разряда быть разделена. Первой разряд состоит из коренного народа русского. Второй из племен к России присоединенных. Третий из иностранцев в России живущих. Коренной народ русской есть племя славянское. Народы к России присоединенные составляют различные другие племена. Иностранцы в России живущие суть частные лица разных наций. <...>

Глава III. О сословиях в России обретающихся

§4. Все должны быть перед законом равны. <...> Сословия составились в разные времена и при разных обстоятельствах, и разделив народ на разные классы произвели большие различия и разнородности в гражданском положении людей принадлежащих к одному и тому же государству. Различия сии целью имеют не лучшее устройство государственного порядка, коего нельзя посредством их достигнуть и не удобнее доставление общественного блага всему народу, но единственно дарование некоторым людям больших преимуществ противу массы народной и подавление сей последней в пользу и в корысть малейшего числа. <...>

А из всего вышесказанного следует что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие могущее называться гражданским и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны. <...>

§6. Дворянство. <...> Довольно долго существовала возможность для некоторых угнетать всех прочих; пора теперь положить решительный конец сему гнусному и неистовому распорядку вещей. Добрые дворяне, истинные сыны отечества с удовольствием и радостью примут сие постановление въ полномъ убеждении что не нужно им вышепомянутых отдельных преимуществ дабы общею пользоваться любовью и доверенностью, дабы посредством оных занимать разные государственные должностные места, участвовать в разных частях и отраслях Правления, продолжать иметь случай и возможность оказывать Отечеству услуги, личными достоинствами приобретать признательность и уважение соотечичей и наконец самим пользоваться всеми гражданскими выгодами и частными благами приобретаемыми средствами праведными и никому не обидными. <...>

Что же касается дворян закосневших в своих враждебных противу массы народной предразсудках и мыслящих, что вся Россия для них одних существует, то крепкую питать можно надежду, что таковых дворян окажется весьма мало. Однакоже, ежели, паче чаяния найдутся таковые недостойные сыны Отечества, то противу них надлежит принять меры решительныя дабы в полной мере укротить свирепый их нрав и поставить в невозможность Отечеству вредить хотя бы к тому и нужными были действия скорой и непреклонной строгости. <...>

[1-я редакция]

<...> 11. Дворянские крестьяне. <...> Успехи общего просвещения повсюду более и более распространяющегося, лутчия понятия о взаимных отношениях всех членов и частей государства, Дух времени, стремящийся к свободе, на законах основанной, все сие заставляет желать, чтобы рабство было совершенно в России уничтожено. <...> Но поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую в государстве произведет перемену, то и не может оное иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно Верховное правление потребовать проекты от грамотных дворянских собраний и по оным мероприятия распорядить, руководствуясь следующими тремя главными правилами: 1) освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода ими от поместий своих получаемых; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается Верховное правление беспощадную строгость употреблять противу всяких нарушителей общего спокойствия; 3) освобождение сие должно крестьянам доставить лутчее положение противу теперешняго, а не мнимую свободу им даровать.

Конституция. Государственный Завет

8). Верховная власть разделяется на законодательную и верховно-исполнительную. Первая поручается Народному вечу, Вторая – державной Думе. Сверх того, нужна еще власть блюстительная, дабы те две не выходили из своих пределов. Власть блюстительная поручается Верховному собору.

9) Народная веча состоит из народных представителей, выбранных народом на пять лет. Каждый год пятая часть низходит и заменяется новыми выборами, тот же самый может опять быть выбран. Устройство внутреннего порядка веча принадлежит ему самому. Председатель выбирается ежегодно из членов, последней год заседающих. Народная веча есть одно целое и на каморы не разделяется. Вся законодательная власть в ней обретается, она объявляет войну и заключает мир. <...>. Никто не может разпустить Народной вечи, она представляет волю в государстве, душу народа.

10) Державная дума состоит из 5 членов, народом выбранных на 5 лет. Ежегодно один из Думы выходит и заменяется другим выбором. Председатель есть член, заседающий последний или пятой год. Ежегодно предлагает каждая губерния кандидата. Из числа сих кандидатов выбирает Народная веча окончательно. Державная дума имеет всю верховно-исполнительную власть, ведет войну и производит переговоры, но не объявляет войны и не заключает мира. Все министерства и все вообще правительствующие места состоят под ведомством и начальством Державной Думы. <...>

11) Верховный собор состоит из 120 членов, именуемых боярами. Бояре назначаются на всю жизнь и не могут участвовать ни в законодательном, ни в исполнительном порядке. Губернии назначают кандидатов, а Народная веча замещает упразднившееся число бояр. Председатель выбирается на год самим Собором. Собор имеет верховно-блюстительную власть. Народная веча препровождает к нему на утверждение свои законы. Собор не разсуждает

о сущности предметов, но смотрит на одне формы, дабы во всем соблюдено законное.

«Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествовавшие // Восстание декабристов. Документы / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1958. Т. 7. С. 113, 119, 126, 129, 136, 150, 152, 153, 159, 160, 173, 174, 213–215.

21. Из манифеста «К русскому народу» С. П. Трубецкого 14 декабря 1825 г.

Слава Господи люди твоя и благослови достояние твое!

В Манифесте Сената объявляется:

1. Уничтожение бывшего правления.
2. Учреждение временного, до установления постоянного, выборными.
3. Свободное тиснение, и потому, уничтожение цензуры.
4. Свободное отправление богослужения всем верам.
5. Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей.
6. Равенство всех сословий пред законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судебных комиссий, из коих все дела судебные поступают в ведомства ближайших судов гражданских.
7. Объявление права всякому гражданину заниматься чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах; заключать всякого рода условия между собою, тягаться с друг другом пред судом.
8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.
9. Уничтожение монополий, как то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатой за промышленность с количества добывания соли и водки.
10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.
11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, и определение онаго последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.
12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.
13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, и порядка выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.
14. Гласность судов.
15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские.

Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчиняет все части высшего управления, то есть все министерства, Совет, Комитет министров, армии, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не

законодательную, и не судную. Для сей последней остается министерство, подчиненное временному правлению, но для суждения дел, не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно, и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.
2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.
3. Образование внутренней народной стражи.
4. Образование судной части с присяжными.
5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.
6. Уничтожение постоянной армии.
7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои должны утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

*Восстание декабристов. Материалы /
Под общей ред. и предисловием М. Н. Покровского.
М.; Л., 1925. Т. 1. № 43. С. 107, 108.*

П. Я. Чаадаев: трансформация его взглядов

22. Из «Философических писем» П. Я. Чаадаева (1829-1830)

Письмо первое

... Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. <...>

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа носила название Христианского мира и слово это значилось в публичном праве. Помимо общего всем характера, каждый из народов этих имеет свой особый характер, но все это только история и традиция. Они составляют идейное наследие этих народов. А каждый отдельный человек обладает своей долей общего наследства, без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими. <...>

А что вы видите у нас? Не знаю, можно ли вывести из сказанного сейчас что-либо вполне бесспорное и построить на этом непреложное положение; но очевидно, что на душу каждой отдельной личности из народа должно сильно влиять столь странное положение, когда народ этот не в силах сосредоточить своей мысли ни на каком ряде идей, которые постепенно развертывались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие в общем движении человеческого разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам. Вот почему, как Вы можете заметить, всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. <...> В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно. Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное. <...>

Иностранцы ставили нам в заслугу своего рода беспечную отвагу, особенно замечательную в низших классах народа; но имея возможность наблюдать лишь отдельные черты народного характера, они не могли судить о нем в целом. Они не заметили, что то самое начало, которое делает нас подчас столь отважными, постоянно лишает нас глубины и настойчивости; они не заметили, что свойство, делающее нас столь безразличными к превратностям жизни, вызывает в нас также равнодушие к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи, и что именно это и лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют нас на путях к совершенствованию. <...>

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение. Напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем благодетельном воздействии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не пожелало ни в чем вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить. Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь. <...>

В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание

современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов. Только что перед тем эту семью похитил у вселенского братства один честолубивый ум; и мы восприняли идею в столь искаженном людской страстью виде. В Европе все тогда было одушевлено животворным началом единства. Все там из него происходило, все к нему сходилось. Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и любое побуждение исходило из властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному началу, мы стали жертвой завоевания. И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи. <...>

Письмо второе

<...> Известно, что духовенство показало везде пример, освобождая собственных крепостных, и что римские первосвященники первые способствовали уничтожению рабства в области, подчиненной их духовному управлению. Почему же христианство не имело таких же последствий у нас? Почему, наоборот, русский народ попал в рабство лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйских? Пусть православная церковь объяснит это явление. Пусть скажет почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой. И посмотрите, пожалуйста, как мало нас знают, невзирая на всю нашу мощь и величие. Как раз на этих днях в одно время и на Босфоре, и на Евфрате прогремел гром наших пушек. А между тем, историческая наука, которая именно в это самое время доказывает, что уничтожение рабства есть заслуга христианства, даже и не подозревает, что христианский народ в 40 миллионов душ пребывает в оковах! Дело в том, что значение народов в роде человеческом определяется лишь их духовной мощью и что тот интерес, который они к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, который они производят. <...>

Письмо седьмое

... Наша чужеземная цивилизация так загнала нас в Европу, что хотя мы и не имеем ее идей, у нас нет другого языка, кроме языка той же Европы; им и приходится пользоваться. Если ничтожное количество установившихся у нас умственных навыков, традиций, воспоминаний, если ничто вообще из нашего прошлого не объединяет нас ни с одним народом на земле, если мы на самом деле не принадлежим ни к какой нравственной системе вселенной, своими социальными мерками мы все же связаны с западным миром. Эта связь, надо признаться, очень слабая, не соединяющая нас с Европой так крепко, как это воображают, и не заставляющая нас ощущать всей своей сущностью великое движение, которое там совершается, все же ставит нашу будущую судьбу в зависимость от судьбы европейского общества. Поэтому, чем более мы будем

стараться с нею отождествиться, тем лучше нам будет. До сих пор мы жили обособленно; то, чему мы научились от других, осталось вне нас как простое украшение; не проникая в глубину наших душ; в наши дни силы *высшего* общества так возросли, его действие на остальную часть человеческого рода так расширилось, что вскоре мы будем увлечены всемирным вихрем, и телом и духом, это несомненно: нам никак не удастся долго еще пробыть в нашем одиночестве. Сделаем же, что в наших силах, для расчистки путей нашим внукам. Не в нашей власти оставить им то, чего у нас не было: верований, разума, созданного временем, определенно обрисованной личности, убеждений, развитых ходом продолжительной духовной жизни оживленной, деятельной; богатой результатами; оставим им, по крайней мере, несколько идей, которые, хотя бы мы и не сами их нашли, переходя из одного поколения в другое,— тем не менее,; они получают нечто, свойственное традиции, и тем самым приобретут некоторую силу, несколько большую способность приносить плод, чем это дано нашим собственным мыслям. Этим мы оказали бы услугу потомству и не прошли бы без всякой пользы свой земной путь.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. /Отв. ред. З. А. Каменский; переводы с франц. Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, М. П. Лепехина, В. В. Сапова. М., 1991. Т. 1. С. 323, 325–331, 347, 433, 434.

Славянофильство и западничество: общее и отличное

23. Из статьи А. С. Хомякова «О старом и новом» (1839)

... Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию? Приличны ли ей эти стихии? Много ли она утратила своих коренных начал и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?

Современную Россию мы видим: она нас и радует, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими; но старую Русь надобно угадать. <...>

По мере того, как царство русское образовывалось и крепло, изглаживались мало-помалу следы первого, чистого и патриархального состава общества. Вольности городов пропадали, замолкали веча, отменялось заступничество тысяцких, вкрадывалось местничество, составлялась аристократия, люди прикреплялись к земле, как прозябающие, и добро нравственное сохранялось уже только в мертвых формах, лишенных прежнего содержания. Невозможно государству подвигаться в одно время по всем направлениям. Когда наступила минута, в которую самое существование его подверглось опасности, когда, безмерно расширяясь и помня прежнее свое рождение, оно испугалось будущего, тогда, оставляя без внимания все частные и мелкие выгоды личные, пренебрегая обычаи и установления, несколько

обветшавшие, не останавливаясь, чтобы отыскивать прекрасную сущность, обратившуюся в бесполезный обряд, государство устремилось к одной цели, задало себе одну задачу и напрягло все силы свои, чтобы разрешить ее: задача состояла в сплочении разрозненных частей, в укреплении связей правительственных, в усовершенствовании, так сказать, механическом всего общественного состава. <...>

Если сравнить состояние России в XIX веке с состоянием ее в XVII, мы придем, кажется, к следующему заключению. Государство стало крепче и получило возможность сознания и постепенного улучшения без внутренней борьбы; несколько прекрасных начал, прежде утраченных и забытых, освящено законом и поставлено на твердом основании. <...>

Лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться <...>. Кое-что сделано; более, несравненно более остается сделать такого, на что вызывает нас дух, живущий в воспоминаниях, преданиях или символах, уцелевших от древности. Весь этот прекрасный мир замирал, почти замер в беспрестанных борьбах, внутренних и внешних, России. Без возобновления государства все <бы> погибло; государство ожило, утвердилось, наполнилось крепостию необычайною: теперь все прежние начала могут, должны развиваться и разовьются собственною своею неумирающею силою. Нам стыдно бы было не перегнать Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов. Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее. <...>

С Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд <ей>. Она из Москвы выдвигается на границу, на морской берег, чтобы быть доступнее влиянию других земель, торговых и просвещенных. Но это движение не было действием воли народной; Петербург был и будет единственно городом правительственным, и, может быть, для здорового и разумного развития России не осталось и не останется бесполезным такое разъединение в самом центре государства. Жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились даже местом их сосредоточения. Одна из Петербурга движет всеми видимыми силами России, всеми ее изменениями формальными, всею внешнею ее деятельностью; другая незаметно воспитывает характер будущего времени, мысли и чувства, которым суждено еще облечься в образ и перейти из инстинктов в полную, разумную, проявленную деятельность. Таким образом, вещественная личность государства получает решительную и определенную деятельность, свободную от всякого внутреннего волнения, и в то же время бесстрастное и спокойное

сознание души народной, сохраняя свои вечные права, развивается более и более в удалении от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности. <...>

Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные; но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насилием, более или менее суровым. Но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему свою личность, так же как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода. <...>

При всем том перед Западом мы имеем выгоды неисчислимы. На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия. Простота дотатарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального. Теперь, когда эпоха создания государственного кончилась, когда связались колоссальные массы в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому. Таким образом, мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неисторченной индивидуальности нашего племени. Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью.

Хомяков А. С. О старом и новом // Хомяков А. С. Сочинения в 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 459–463, 467–470.

24. И. В. Киреевский. В ответ А. С. Хомякову (1839) (извлечение)

Статья г. Хомякова возбудила во многих из нас желание написать ему возражение. <...> Вопрос обыкновенно предлагается таким образом: прежняя Россия, в которой порядок вещей слагался из собственных ее элементов, была ли лучше или хуже теперешней России, где порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного? Если прежняя Россия была лучше теперешней, говорят обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно русское, и уничтожить западное, искажающее русскую особенность; если же прежняя Россия была хуже, то надобно стараться вводить все западное и истреблять особенность русскую.

Силлогизм, мне кажется, не совсем верный. Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах. Если же старое было хуже, то из этого также не следует, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитие это не было остановлено насильственным введением элемента чужого. <...>

Таким образом, и самый вопрос предложен неудовлетворительно. Вместо того чтобы спрашивать: лучше ли была прежняя Россия, полезнее, кажется, спросить: нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного? <...>

Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т. п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забыть все, что умеем? Еще менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского. Потому сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал.

Следовательно, и этот вид вопроса, который из двух элементов исключительно полезен теперь также предложен неправильно. Не в том дело, который из двух, но в том, какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благотельно. Чего от взаимного их действия должны мы надеяться или чего бояться?

Рассматривая основные начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, мы с первого взгляда открываем между ними одно очевидно общее: это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта. <...>

Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад; никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками; но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех приятностей жизни и выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящею жизнью. Потому, вполне оценивая все отдельные выгоды рациональности, я думаю, что в конечном развитии она своею болезненно-неудовлетворительностью явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским. <...>

Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада, и во-первых: образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества. Но это общество не было самовластное и не могло само себя устраивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение в обычай, который заменял закон, устраивая по всему пространству земель, подвластных нашей церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное однообразие обычая было, вероятно, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени сквозь все противодействие разрушительных влияний, в продолжение 200 лет стремившихся ввести на место его новые начала.

Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев всякое изменение в общественном устройстве, не согласное с строем целого, было невозможно. <...> На Западе, напротив того, все отношения общественные основаны на условии или стремятся достигнуть этого искусственного основания. <...> Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе и соединяются не по нормальному закону, а или в случайном порядке, или в искусственном соглашении. В первом случае торжествует материальная сила, во втором - сумма индивидуальных разумений. <...> Потому общественный договор не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся

с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский. <...>

Желать ли нам возвратить прошедшее России и можно ли возвратить его? Если правда, что самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства и что форма этого быта упала вместе с ослаблением духа, то теперь эта мертвая форма не имела бы решительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь.

Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французу и немцу и сами узнали бы то, что имеем.

Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в 2-х т. / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. 1. С. 109–113, 115, 116, 120.

25. Выдержки из статьи К. С. Аксакова «Об основных началах русской истории» (1849–1850)

Нравственный подвиг жизни предлежит не только каждому человеку, но и народам, и каждый человек и каждый народ решает его по-своему, выбирая для совершения его тот или другой путь. <...>

Славянские племена жили под условиями быта; община, так устроенная, носит простое название земли, которое мы удержим: оно оправдается впоследствии. Но возможно ли было оставаться при этом?

Трудно. Первая, прежде всего и главная помеха – бранные, неутомонные соседи, которые налетали на славянские земли и покоряли их, возмущая весь их быт. Славяне собирались, прогоняли их, а нашествия снова им грозили. Нельзя же было народу стоять, не расходясь, с оружием в руках; он отказался бы таким образом от самого своего мирного земского начала. С другой стороны, и внутренние несовершенства, особенно у языческих народов, возмущали непрестанно мирный ход жизни.

В России история застаёт славян северных под властью варягов, южных – под властью козар. Северные славяне прогоняют варягов, и, может быть, вследствие ли их владычества, возникает вражда между ними и ссоры друг с другом.

Таковы были главные помехи, и земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, решается призвать на защиту государство. Но надо заметить, славяне не образуют из себя государство, они призывают его; они не из себя избирают князя, а ищут его за морем; таким образом они не смешивают земли с государством, прибегая к последнему как к необходимости для сохранения первой. Государство, политическое устройство не сделалось целью их стремления, ибо они отделяли себя или земскую жизнь от государства и для сохранения первой призвали последнее.

Ничья история не начинается так. Если спорили о времени существования этого факта, то здесь сила в его смысле; позднейшие частные призвания подтверждают тот же смысл.

Призвание было добровольное. Земля и государство не смешались, а раздельно стали в союз друг с другом. В призывании добровольном означились уже отношения земли и государства – взаимная доверенность с обеих сторон. Не брань, не вражда, как это было у других народов, вследствие завоевания, а мир, вследствие добровольного призвания.

Так начинается русская история. Две силы в ее основании, два двигателя и условия во всей русской истории: земля и государство.

Случайности исторические, человеческие волнения, наконец, ход самих этих сил, нравственный путь, которым идет народ, видоизменяют судьбы русской земли. В каком отношении были у нас земля и государство? Они существуют как отдельные, но дружественные союзные силы, сознаваемые в их раздельности и взаимно признающие одна другую. «Земля и государство» встречается у нас везде. Таким образом, не обратившись в государство, призвавши его и став сами в стороне, славяне русские сохранили веру в жизнь. <...>

Аксаков К. С. Об основных началах русской истории //
Полное собрание сочинений К. С. Аксакова. М., 1861. Т. I. С. 1, 3, 4.

26. Из письма В. Г. Белинского к В. П. Боткину 10–11 декабря 1840 г.

... Я ужасно изменяюсь; но это не страшит меня, ибо с пошлою действительностию я все более и более расхожусь, в душе чувствую больше жару и энергии, больше готовности умереть и пострадать за свои убеждения. <...> Боже мой, сколько отвратительных мерзостей сказал я печатно, со всею искренностию, со всем фанатизмом дикого убеждения! <...> А это насильственное примирение с гнусною расейскою действительностию, этим китайским царством материальной животной жизни, чинолюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, – где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мыслей истреблена. <...>

Нет, да отсохнет язык, который заикнется оправдывать все это, – и если мой отсохнет – жаловаться не буду. Что есть, то разумно; да и палач ведь есть же, и существование его разумно и действительно, но он тем не менее гнусен и отвратителен. Нет, отныне – для меня либерал и человек – одно и то же. <...> Черт знает, как подумаешь, какими зигзагами совершалось мое развитие, ценою каких ужасных заблуждений купил я истину, и какую горькую истину – что все на свете гнусно, а особенно вокруг нас... Ты помнишь мои первые письма из Питера – ты писал ко мне, что они производили на тебя тяжелое впечатление, ибо в них слышался скрежет зубов и вопли нестерпимого страдания: от чего же я так ужасно страдал? – от действительности, которою я называл разумною и за которую ратовал...

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 11. Письма. 1829–1840 / [подгот. текста и примеч. К. П. Богаевской; ред. Н. Ф. Бельчиков]. М., 1956. № 165. С. 575–577.

**27. Из письма В. П. Боткина П. В. Анненкову о славянофилах
15 мая 1847 г.**

... Замечательно, что славянофилы до сих пор печатно постоянно были побиваемы, и на всех пунктах. Славянизм не произвел еще ни одного дельного человека <...>. Но между тем славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, национальность. В этом их великая заслуга; они первые почувствовали, что наш космополитизм ведет нас только к пустомыслию и пустословию; эта так называемая «русская цивилизация» исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдруг пришли ей сказать, что она пуста и лишена всякого национального развития. Вообще, в критике своей они почти во всем справедливы; и в самом деле, пора было напомнить недорослю, который потому только, что, стыдясь знать свой родной язык, считал себя гражданином мира – что он не более как недоросль. Но в критике заключается и все достоинство славян! Как только выступают они к положению – начинаются ограниченность, невежество, самая душная патриархальность, незнание самых простых начал государственной экономии, нетерпимость, обскурантизм и прочее. Оторванные своим воспитанием от нравов и обычаев народа, они делают над собою насилие, чтоб приблизиться к ним, хотят слиться с народом искусственно: так, например, Аксаков не ест телятины, ходит к обедне и ко всенощной. А вот пример их нетерпимости: у Аксакова есть брат, который по несчастю не славянофил; он накануне Вознесенья пошел смотреть Плесси в театр. На другой день вечером были у них гости, и там все славянство восстало с упреками на молодого человека, как мог он в то время, как народ русский слушал всенощную, быть в театре, да еще смотреть игру французской актрисы. <...>

П. В. Анненков и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 538, 539.

Литературная критика В. Г. Белинского

28. Из письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю 15 июля н. с. 1847 г. Зальцбрунн

... Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали, при появлении ее, все враги ваши – и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п.), и литературные, которых имена вам известны. <...> И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительным. Я думаю, это от того, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб вы не были мыслящим человеком, а потому, что вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего прекрасного далека, а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому, что вы, в этом прекрасном далеке, живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с вами настроенного и бессильного противиться вашему на него влиянию. Поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр – не человек страны; где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостного кнута треххвостною плетью. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, – является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика

наживать от крестьян больше денег, ругая их неумытыми рылами!.. И это не должно было привести меня в негодование? <...>

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно отдавших себя в услужение православию, самодержавию и народности. <...>

Смирение, проповедуемое вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой – самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только или гордости, или слабоумия, и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. <...>

И вот мое последнее, заключительное слово: если вы имели несчастье с гордым смирением отречься от ваших истинно великих произведений, то теперь вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы ваши прежние.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846-1848. / [тексты подгот. и коммент. к ним сост. Е. И. Кийко; ред. Е. И. Дементьев]. М., 1956. № 23. С. 212–124, 217, 218, 220.

Кружок М. В. Петрашевского: история создания, взгляды и разгром его полицией

29. М. В. Буташевич-Петрашевский. Проект освобождения крестьян [1848 г.] (извлечение)

Проектов, имевших целью освобождение крестьян помещичьих, или установление правильных отношений между крестьянами и помещиками в России, являлось множество, и все они, как нам известно, по большей части являлись неудовлетворительными. <...>

Какие же могут быть способы освобождения крестьян? На первом [месте] и самым простым способом может для сего являться прямое, безусловное,

освобождение их с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика. Такое разрешение этого вопроса просто, да и не слишком несправедливо, на том основании, что род человеческий есть в совокупности обладатель земного шара; 2) всякий отдельный член человечества иметь может ту часть в своем владении земного шара, которая на часть его может придтись по разделу земного шара поровну между всеми его обитателями, та часть земли, которую прочие его совладельцы на земном шаре из нашей планеты ему заблагорассудили за что-либо свободно уступить; и известно, что на земле находится значительная масса поверхности земной, еще вовсе не обработанной; каковые земли невозделанные приняв при таком нами выше предположенном разделе в соображение, так выйдет, что пай, нами данный крестьянину, будет несравненно менее того, какой ему следовало бы по-настоящему получить. Имея это в виду, нельзя не признаться в том, что все-таки при сем разделе на долю помещиков придется хорошая, чуть не львиная часть. Ибо в пользу их останутся те поля, кои не нужны для пропитания освобожденных крестьян, строения, ими для них сделанные, и т[ому] п[одобного] рода хозяйственные и сельские работы.

Такое решение вопроса об уничтожении рабства было единственно годным или возможным, если бы у разных людей было тождество в развитии, тогда это ничего не представило [бы] неудобного.

Это решение сего вопроса можно назвать справедливым.

Философские и общественно-политические произведения петрашевцев / Вступ. статья и общ. ред. В. Е. Евграфова. М., 1953. С. 360, 363, 364.

30. Из всеподданнейшего доклада секретной следственной комиссии по делу петрашевцев 19 декабря 1849 г.

Секретная следственная комиссия, по окончании производства дела, предоставляя записку из одного на высочайшее утверждение, между прочим, излагала:

1) Буташевич-Петрашевский, еще с юношества, заразившись либеральными понятиями, которые, по окончании в 1841 году университетского курса, в нем еще более укоренились от усвоенных им социальных и коммунистических идей, — под личиною общественных улучшений, путем мира и закона, — возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства. Для этой цели он употреблял различные средства: пытался посеять зловредные начала социальных систем в молодое поколение посредством учителей, сам развращал юные умы социальными книгами и беседами и, наконец, с 1845 года начал действовать уже в духе пропаганды и собирать у себя, в известные дни, знакомых ему учителей, литераторов, студентов, кончивших или оканчивающих курс, и вообще из лиц разных сословий. На сходках сих происходили либеральные разговоры, читались лекции и речи в духе социализма и коммунизма, нападали на религию

и верование во все святое, осуждали наше государственное управление, представляли действия административные в искаженном виде, порицали правительственные лица и даже священную особу вашего императорского величества. Петрашевский постоянно возбуждал и направлял эти суждения. Он доводил посетителей своих до того, что они если и не все делались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в прежних своих верованиях и наклонными к преступному направлению. Впрочем, собрания Петрашевского не представляли собою организованного тайного общества, он и без этого достигал своей цели вернее и безнаказаннее, чем достигал бы оной посредством тайного общества, – средства более опасного, которое легче могло бы пробудить совесть завлеченного и скорее повести к открытию злоумышления, тогда как тут и раскаивающийся и не разделявший мнений Петрашевского, оставляя его собрания, не считали противным своей совести не доносить о них, как о собраниях обыкновенных. Не довольствуясь этим, Петрашевский устремил преступные свои помыслы к скорейшему достижению переворота, уже не путем мира, а действиями насильственными, для чего пытался уже образовать тайные общества, отдельно от своих собраний. <...>

При следствии Петрашевский не только не скрывал желания полного и совершенного преобразования быта общественного в России, но явно сознавая себя фюреристом и социалистом, объявил, что он желал стать во главе разумного движения в народе русском. <...>

В заключение комиссия всеподданнейше повергала на высочайшее вашего величества воззрение те убеждения, которые возникли в ней при рассмотрении этого дела и которые, по мнению ее, имеют также особенную важность для будущего:

1) Общественное обучение требует особого наблюдения как относительно духа и направления преподавания вообще, так и относительно строгого выбора учителей и проверки их преподавания.

2) Огромное количество вторгающихся к нам иностранных сочинений самого опасного содержания, способствующих превратному образу мыслей доказывает, что или цензура наша не довольно осмотрительна, или что принимаемые против ввоза запрещенных книг меры не довольно еще бдительны и строги.

3) Собственная наша журналистика требует самого осмотрительного цензурного надзора. Хотя в последнее время, по высочайшей вашего императорского величества воле, на сей важный предмет обращено уже особенное внимание, но многие выпущенные из высших учебных гражданских заведений молодые люди, не довольствуясь служебными окладами, для подкрепления своих средств обращаются к составлению журнальных статей, а в числе сих статей, при недостатке бдительности цензуры, нередко прорываются такие, коих направление явственно вредно, и посредством сего легкого способа зараженные уже вольнодумством сочинители разливают яд свой во внутренность государства и в умы, чуждые еще пагубных мечтаний. Переводы статей о социальных движениях в Европе, помещаемые в наших

русских газетах, требуют также бдительного наблюдения со стороны правительства.

Наконец, 4) Настоящий разврат умов, прилипчивость вредных идей, соблазнительность некоторых новых учений для голов слабых и неопытных, подрыв священных основ, на коих утверждается незыблемость и благоденствие государств, – все сие указывает прямо на необходимость строго наблюдать за движением общественного состава не только в его целом, но и в частностях, следственно, на необходимость возможно бдительного наблюдения со стороны всех полицейских начальств за сборищами и собраниями, дабы не могли из них постепенно образоваться те анархические союзы и клубы, которых печальные плоды разрушили благоденствие Запада. <...>

*Петрашевцы. Сб. материалов / Под ред. П. Е. Щеголева.
М.; Л., 1928. Т. 3. С. 281, 282, 287, 288.*

Государство и общество в публицистике А. И. Герцена

31. Из автобиографического романа А. И. Герцена «Былое и думы» (Часть четвертая (1840–1847), глава XXV)

... Об застое после перелома в 1825 году мы говорили много раз. Нравственный уровень общества пал, развитие было прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные – испуганные, слабые, потерянные – были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место; они мало-помалу превратились в подобострастных дельцов, утратили дикую поэзию кутежей и барства и всякую тень самобытного достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время их прошло.

Под этим большим *светом* безучастно молчал большой *мир* народа; для него ничего не переменилось, – ему было скверно, но не сквернее прежнего, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время не пришло. Между этой крышей и этой основой дети первые приподняли голову, может, оттого, что они не подозревали, как это опасно; но, как бы то ни было, этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя.

Их остановило совершеннейшее противуречие *слов* учения с *былями* жизни вокруг. Учителя, книги, университет говорили одно – и это одно было понятно уму и сердцу. Отец с матерью, родные и вся среда говорили другое, с чем ни ум, ни сердце не согласны, но с чем согласны предержавшие власти и денежные выгоды. Противуречие это между воспитанием и нравами нигде не доходило до таких размеров, как в дворянской Руси. <...> Жить в полном нравственном разладе они не могли, не могли также удовлетвориться отрицательным устранением себя; возбужденная мысль требовала выхода.

Разное разрешение вопросов, одинаково мучивших молодое поколение, обусловило распаденье на разные круги.

Так сложился, например, наш кружок и встретил в университете, уже готовым, кружок сунгуровский. Направление его было, как и наше, больше политическое, чем научное. Круг Станкевича, образовавшийся в то же время, был равно близок и равно далек с обоими. Он шел другим путем, его интересы были чисто теоретические.

В тридцатых годах убеждения наши были слишком юны, слишком страстны и горячи, чтоб не быть исключительными. Мы могли холодно уважать круг Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокоивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством. Правительство постаралось закрепить нас в революционных тенденциях наших. В 1834 году был сослан весь кружок Сунгурова – и исчез.

В 1835 году сослали нас; через пять лет мы возвратились, закаленные испытанным. Юношеские мечты сделались невозвратным решением совершеннолетних. Это было самое блестящее время Станкевичева круга. Его самого я уже не застал, – он был в Германии; но именно тогда статьи Белинского начинали обращать на себя внимание всех.

Возвратившись, мы померились. Бой был неровен с обеих сторон; почва, оружие и язык – все было разное. После бесплодных прений мы увидели, что пришел наш черед серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и немецкую философию. Когда мы довольно усвоили ее себе, оказалось, что между нами и кругом Станкевича спору нет.

Круг Станкевича должен был неминуемо распуститься. Он свое сделал – и сделал самым блестящим образом; влияние его на всю литературу и на академическое преподавание было огромно, – стоит назвать Белинского и Грановского; в нем сложился Кольцов, к нему принадлежали Боткин, Катков и пр. Но замкнутым кругом он оставаться не мог, не перейдя в немецкий доктринаризм, – живые люди из русских к нему не способны.

Возле Станкевичева круга, сверх нас, был еще другой круг, сложившийся во время нашей ссылки, и был с ними в такой же чересполосице, как и мы; его-то впоследствии называли славянофилами. Славяне, приближаясь с противоположной стороны к тем же жизненным вопросам, которые занимали нас, были гораздо больше их ринуты в живое дело и в настоящую борьбу.

Между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, то есть к Хомякову и Киреевским. Белинский, Бакунин – к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский, был нашим с самого приезда из Германии. <...>

Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 9.

Былое и думы. 1852–1856 Ч. 4 /

ред. В. А. Путинцев, коммент. И. Ю. Твердохлебова. М., 1956. С. 38–40.

32. А. И. Герцен о В. Г. Белинском

... Я считаю Белинского одним из самых замечательных лиц николаевского периода. <...> Статьи Белинского судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, не получены ли «Отечественные записки»; тяжелый номер рвали из рук в руки. – «Есть Белинского статья?» – «Есть», – и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырёх верований, *уважений* как не бывало.

Недаром Скобелев, комендант Петропавловской крепости, говорил шутя Белинскому, встречаясь на Невском проспекте:

– Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу. <...>

В этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура; да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла; бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Как я любил и как жалел я его в эти минуты!

Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 9.

Былое и думы. 1852–1856. Ч. 4 /

ред. В. А. Путинцев, коммент. И. Ю. Твердохлебова. М., 1956. С. 28, 29, 31

33. Из прокламации А. И. Герцена «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» (1853)

Первое вольное русское слово из-за границы пусть будет обращено к вам.

В вашей среде развилась потребность независимости, стремление к свободе и вся умственная деятельность последнего века.

Между вами находится то самоотверженное меньшинство, которым искупается Россия в глазах других народов и в собственных своих.

Из ваших рядов вышли Муравьев и Пестель, Рылеев и Бестужев.

Из ваших рядов вышли Пушкин и Лермонтов.

Наконец, и мы, оставившие родину, для того чтоб хоть вчуже раздавалась свободная русская речь, вышли из ваших рядов.

К вам первым мы и обращаемся.

Не с словами упрека, не с невозможным на сию минуту зовом на бой, а с дружескою речью об общем горе, об общем стыде и с братским советом.

Горестно, стыдно быть рабами, но всего горестнее и больнее сознавать, что рабство наше необходимо, что оно в порядке вещей, что оно естественное следствие.

На нашей душе лежит великий грех, мы его унаследовали и в этом не виноваты, но мы удерживаем неправо унаследованное, оно стягивает нас, как тяжелый камень, на дно, и с ним на шее мы не всплывем. <...>

Нет свободы для нас, пока проклятие крепостного состояния тяготит над нами, пока у нас будет существовать гнусное, позорное, ничем не оправданное рабство крестьян.

С Юрьева дня начнется новая жизнь России, с Юрьева дня начнется наше освобождение.

Нельзя быть свободным человеком и иметь дворовых людей, купленных как товар, проданных как стадо.

Нельзя быть свободным человеком и иметь право сечь мужиков и посылать дворовых на съезжую.

Нельзя даже говорить о правах человеческих, будучи владельцем человеческих душ. <...>

Многие из вас желали освобождения крестьян, Пестель и его друзья ставили освобождение их своим первым делом. Спорили сначала о том – с землею или без земли дать волю? Потом все увидели нелепость освобождения в голод, в бродяжничество, и вопрос шел только о количестве земли и о возможном возмездии за нее.

В самых помещичьих губерниях, в Пензе и Тамбове, и Ярославле, и Владимире, в Нижнем и, наконец, в Москве, вопрос об освобождении находил сочувствие и нигде не встречал того остервенения, с которым американские помещики защищают свои черные права.

Тульское дворянство подало проект; в десяти других губерниях совещались, делали предположения.

И вдруг дворяне и правительство перепугались, и из их дрожащих рук выпали все благие начинания. <...>

Наше сонное бездействие, вялая невыдержка, страдательная уступчивость наводят грусть и отчаяние. <...> А между тем в деревнях становится неловко. Крестьяне посматривают угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякие вести бродят. Там-то помещика с семьей сожгли, там-то убили другого цепами и вилами, там-то приказчика задушили бабы на поле, там-то *камергера* высекли розгами и взяли с него подписку молчать.

Крепостное состояние явным образом надоело мужикам, они только не умеют приняться сообща за дело. Вы с своей стороны знаете, что шаг вперед нельзя сделать без освобождения крестьян. Но оно-то, по счастью, всего больше зависит от вас.

Зависит сегодня. Мы не знаем, что будет завтра.

Чего ж вы ждете, в самом деле? <...>

Так или иначе, но ключ от цепи у вас в руках. Нам кажется умнее, расчетливее, уступить, нежели ждать взрыва. Умнее бросить за борт долю груза, нежели дать утонуть всему кораблю. <...>

Взвесьте, что вам выгоднее – освобождение крестьян с землею и с вашим участием или борьба против освобождения с участием правительства? Взвесьте, что выгоднее – начать собой новую, свободную Русь и полюбовно решить тяжелый вопрос крестьянами или начать против них крестовый поход с ружьем в одной руке, с розгой в другой? Если есть только будущность Руси и миру славянскому – крестьяне будут свободны... <...>

Мы еще верим в вас, вы дали залогов, наше сердце их не забыло, вот почему мы не обращаемся прямо к несчастным братьям нашим для того, чтоб сосчитать им их силы, которых они не знают, указать им средства, о которых они не догадываются, растолковать им вашу слабость, которую они не подозревают, для того, чтоб сказать им:

«Ну, братцы, к топорам теперь. Не век нам быть в крепости, не век ходить на барщину да служить во дворе; постоимте за святую волю, довольно натешились над нами господа, довольно осквернили дочерей наших, довольно обломали палок об ребра стариков... Ну-тка, детушки, соломы, соломы к господскому дому, пусть баричи погрееются в последний раз!» <...>

Горячее дыхание больной, выбившейся из сил Европы веет на Русь переворотом. Царь отгородил вас забором, но и в казенном заборе его есть щели и сквозной ветер сильнее вольного.

Наступающий переворот не так чужд русскому сердцу, как прежние. Слово социализм неизвестно нашему народу, но смысл его близок душе русского человека, изживающего век свой в сельской общине и в рабочей артели. <...>

*Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах.
М., 1957. Т. 12. Произведения 1852–1857 годов. С. 80–83, 85, 86.*

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Каковы были причины и предпосылки возникновения общественно-политического движения в России в первой половине XIX в.?
2. Расскажите о первых тайных обществах декабристов. Охарактеризуйте программные документы Южного и Северного тайных обществ.
3. Как решался вопрос об отмене крепостного права в Конституции Н. М. Муравьева и в «Русской правде» П. И. Пестеля?
4. Что общего и в чем различия государственного устройства, предлагаемого этими программами декабристов?
5. Опишите ход событий 14 декабря 1825 г. и назовите основные причины поражения восстания.
6. Подготовьте сообщение на тему: «Современный взгляд на движение декабристов».
7. Проанализируйте взгляды П. Я. Чаадаева на исторические судьбы России (по «Философическим письмам»).
8. В чем состояли общие и отличительные взгляды славянофилов и западников?
9. Подготовьте сообщение на тему «Размышление о старом и новом А. С. Хомякова».
10. Какие основные положения содержит письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю 15 июля 1847 г.?
11. Подготовьте сообщение на тему: «Кружок М. В. Буташевича-Петрашевского (1845–1849): идеи, участники, итоги деятельности».
12. Почему идеи А. И. Герцена получили название «русского социализма»?
13. Расскажите о деятельности Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева в Лондоне (1853–1865).
14. Выделите этапы в истории русского революционного радикализма в первой половине XIX в. и дайте им развернутую характеристику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева, Т. В. Тайные общества России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение [Текст] / Т. В. Андреева. СПб.: Лики России, 2009. – 911 с. – ISBN 978-5-87417-325-8.
2. Блехер, Л. И. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья [Текст] / Л. И. Блехер, Г. Ю. Любарский. – М.: Академический проект, 2003. – 604 с. – ISBN 5-93947-014-9.
3. Брюханов, В. А. Мифы и правда о восстании декабристов [Текст] / В. А. Брюханов. – М.: Яуза: Эксмо, 2005. – 636 с. – ISBN 5-699-13166-3.
4. Велижев, М. Чаадаевское дело. Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России [Текст] / М. Велижев. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 392 с. – ISBN 978-5-4448-1852-7.
5. Виттекер, Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Ц. Х. Виттекер; [Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой]. – СПб.: Академический проект, 1999. – 348 с. – ISBN 5-7331-0141-5.
6. Гросул, В. Я. Общественное движение в России первой половины XIX в. [Текст] / В. Я. Гросул. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 848 с. – ISBN 978-5-91022-307-7.
7. Дружинин, Н. М. Революционное движение в России в XIX в.: Избранные труды [Текст] / Н. М. Дружинин. – М.: Наука, 1985. – 485 с.
8. Егоров, Б. Ф. Петрашевцы [Текст] / Б. Ф. Егоров; АН СССР. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1988. – 234 с. ISBN 5-02-027208-6.
9. Ильин, П. В. Новое о декабристах: прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. [Текст] / П. В. Ильин. – СПб.: Нестор-История, 2004. – 663 с. – ISBN 5-98187-034-6.
10. Итенберг, Б. С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX [Текст]: очерки / Б. С. Итенберг. – М.: Наука, 1999. – ISBN 5-02-008698-3.
11. Линицкий, П. И. Славянофильство и либерализм (западничество) [Текст]: опыт систематического обозрения / П. И. Линицкий. – 2-е изд. – М., 2012. – 259 с. – ISBN 978-5-397-02998-8.
12. Лурье, Ф. М. Нечаев [Текст]: созидатель разрушения / Ф. М. Лурье. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 432 с. – ISBN 5-235-02452-4.
13. Малиа, М. Александр Герцен и происхождение русского социализма, 1812–1855 [Текст] / М. Малиа; пер. с англ. А. Павлова и Д. Узланера. – М.: Территория будущего, 2010. – 566 с. – ISBN 978-5-91129-065-8.
14. Мироненко, С. В. Александр I и декабристы [Текст]: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути / С. В. Мироненко. – М.: Кучково поле, 2017. – 399 с. – ISBN 978-5-9950-0700-5.
15. Парсанов, В. С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. [Текст] / В. С. Парсанов. – М.: Алгоритм, 2016. – 461 с. – ISBN 978-5-906817-57-0.
16. Пирумова, Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек [Текст] / Н. М. Пирумова. – М.: Мысль, 1989. – 254 с. – ISBN 5-244-00066-7.

17. Прокофьев, В. А. Петрашевский. [1821-1866] [Текст] / В. А. Прокофьев – М.: Молодая гвардия, 1962. – 336 с.
18. Тихонова, Е. Ю. В. Г. Белинский в споре со славянофилами [Текст] / Е. Ю. Тихонова. – М.: УРСС, 1999. –129 с. – ISBN 5-88417-172-2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Док. – Документ.

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.
12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. СПб., 1830–1885.

Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества.

Учебное издание

Козлов Сергей Александрович

ИСТОРИЯ

Хрестоматия

Выпуск IV

Редактор и корректор Е. О. Тарновская
Техн. редактор Д. А. Романова

Темплан 2023 г., поз. 5251/23

Подписано к печати 07.02.24.

Формат 60х84/16.

Бумага тип № 1.

Печать офсетная.

Печ.л. 5,2.

Уч.-изд. л. 5,2.

Тираж 30 экз. (1 завод)

Изд. № 5251.

Цена «С».

Заказ №

Ризограф Высшей школы технологии и энергетики СПбГУПТД,
198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, 4.